

Зрошенная
невеста,
обманутая жена

Кристина Юраш

Кристина Юраш

Брошенная невеста.

Обманутая жена

<https://litres.ru/74171907>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Кажется, я ошибся сестрой. Сегодня у алтаря я хочу видеть вашу младшую дочь!

За несколько секунд до того, как нас объявят мужем и женой, мой жених граф Эмери публично отказался от меня ради моей сестры.

Пока родители твердили, что я – ничтожество, не оправдавшее надежд а гости наслаждались моим позором, сам герцог Арундел неожиданно сделал мне предложение.

Он готов жениться на мне немедленно.

Без помолвки.

Без объяснений.

Почему самый завидный холостяк королевства решил жениться именно на брошенной невесте?

И какую цену мне придется заплатить за его выбор?

Состоится ли эта свадьба, если сестра остригла мои волосы, пока я была без сознания?

властный герой

героиня с характером и гордостью

предательство

вынужденный брак

очень эмоционально

неравный брак

семейные тайны

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	15
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	45
Глава 12	48
Глава 13	51
Глава 14	53
Глава 15	56
Глава 16	58
Глава 17	62
Глава 18	65
Глава 19	69
Глава 20	72
Глава 21	75
Глава 22	79

Глава 23	82
Глава 24	86
Глава 25	89
Глава 26	91
Глава 27	95
Глава 28	99
Глава 29	104
Глава 30	108
Глава 31	110
Глава 32	113
Глава 33	116
Глава 34	119
Глава 35	122
Глава 36	125
Глава 37	129
Глава 38	132
Глава 39	135
Глава 40	140
Глава 41	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Кристина Юраш

Брошенная невеста.

Обманутая жена

ПРОЛОГ

— Кажется, я ошибся сестрой. Простите, но сегодня у этого алтаря я хочу видеть не вас, а вашу младшую сестру.

Сначала мне показалось, что граф Элерс Эмери произнес это не мне.

Не мог же мужчина, чья ладонь только что сжимала мою руку перед лицом жреца, перед королевским регистратором, перед нашими семьями и всем высшим светом, вдруг сказать такое.

Ирьяне Бельвиль.

Своей невесте.

Женщине, которую через тридцать секунд должны были назвать его женой.

Мозг отказался воспринимать смысл его слов, но кончики пальцев мгновенно стали ледяными, словно я опустила руку в зимнюю реку. Колени предательски ослабли, и пол под ногами показался ватным, ненадежным. В груди, там, где ещё минуту назад билось теплое, радостное ожидание, разверз-

лась черная, холодная воронка пустоты.

Я смотрела на Элерса и ждала.

Сейчас он моргнет. Уголок его губ дрогнет в той самой улыбке, от которой у меня перехватывало дыхание на первом балу. Он скажет: «Я пошутил». Гости нервно рассмеются. Мама всплеснет руками, охая от такого непристойного юмора. Отец нахмурится, но потом махнет рукой: «Главное, что свадьба состоится!».

Но Элерс не улыбнулся.

Он медленно разжал пальцы.

Его кожа была теплой, сухой.

Когда его прикосновение исчезло, моя ладонь осталась висеть в воздухе — никому не нужная, зажата в белой кружевной перчатке, с тонкой, предательской дрожью, которую теперь, я знала, видели все.

Я поспешно опустила руку, прижимая букет к корсажу.

В первом ряду, среди кружевных вееров и начищенных до блеска орденов, кто-то тихо, судорожно втянул воздух.

Зал ожил. Не голосами — взглядами. Они стекались со всех сторон, тяжелые, липкие, ощупывающие. В них не было сочувствия. В них был голод. Высший свет почуял новость, сенсацию, повод для сплетен. Завтра об этом будут судачить в гостиных, прикрывая рты веерами. Через месяц меня будут узнавать не по фамилии, а по этой позорной истории.

Та самая леди Бельвиль. Та, которую жених поменял у алтаря, словно лошадь на почтовой станции.

Пальцы перестали чувствовать стебли роз.

Я сжала их сильнее, и острый шип пробил тонкую кожу перчатки, впиваясь в ладонь. Я смотрела на темную каплю крови, проступающую на белом кружеве, и не чувствовала боли.

Воздуха в зале вдруг стало катастрофически мало.

Казалось, тяжелые каменные своды, помнящие поколения Бельвилей, начали медленно сходиться вместе, выдавливая из меня кислород.

Запах цветов, украшающих алтарь, вдруг ударил в нос с такой силой, что подступила тошнота. Так пахнет мой позор. Так пахнет отчаяние.

— Элерс... — выдохнула я. — Ты... Ты мог бы сказать раньше... Хотя бы...

Голос получился чужим, хриплым и тихим.

Он наконец отвел взгляд от моей сестры и посмотрел на меня. Так, словно делает одолжение. Словно я должна заплатить ему за этот взгляд, благодарить его за то, что он вообще повернулся в мою сторону.

В его голубых глазах не было безумия. Не было внезапного порыва, о которых пишут в дешевых романах. Не было даже раскаяния.

— Я совершил ошибку, — произнес он. Его голос был ровным, бархатистым, таким же безупречным, как узел его шейного платка, скрепленного сверкающей бриллиантами брошью. — Мне следовало сделать предложение вашей

младшей сестре. Я думал над этим всю ночь перед свадьбой и понял, что именно она должна стать графиней Эмери. Она, а не вы.

Всю ночь он думал...

Пока я не спала, глядя на потолок и представляя, как он будет целовать мой висок после брачных клятв. Пока модистка колола пальцы, пришивая последнюю жемчужину к моему корсажу. Пока отец лично отбирал вино для гостей, бегая за советами к маме и дворецкому.

Он думал. О Миранде.

Моя младшая сестра стояла в трех шагах от меня, в бледно-голубом платье, оттеняющем цвет ее глаз. Не в белом. Не у алтаря. Но теперь весь собор смотрел на нее так, словно фата и букет всегда предназначались ей.

Миранда прижала тонкие пальцы к губам. Ее глаза, огромные и влажные, блестели от слез.

Мне стало стыдно за эту мысль, но я не могла отвести взгляд. Даже испуг шел ей. Миранда умела быть прекрасной. Умела казаться удобной. Она не спорила, не имела своего мнения и никогда не перечила родителям.

Я вдруг поняла страшную, нестерпимую вещь.

Через час никто не вспомнит, какого цвета были ленты на колоннах. Никто не вспомнит игру музыкантов. Никто не вспомнит, как идеально сидело на мне белое атласное платье.

Все будут помнить только одно.

Ирьяну Бельвиль бросили у алтаря ради младшей сестры. За минуту до того, как жених скажет свое “да”.

Каждая жемчужина на моем корсаже теперь казалась тяжелым свинцовым грузом. Они кричали о том, что меня выбрали, а потом передумали. Слезы жгли глаза, но я не могла позволить им упасть. Я вцепилась в собственное достоинство, словно в край обрыва, понимая, что падаю в пропасть отчаяния.

— Доченька... — донесся до меня шепот матери.

Я медленно повернула голову, цепляясь за этот голос, как за протянутую руку. Сейчас она обнимет меня. Сейчас мы уйдем. Сейчас начнется скандал, который сотрясет весь город, и она будет защищать меня.

Но мать смотрела не на меня.

Ее взгляд, холодный и оценивающий, скользил по подолу голубого платья Миранды. Мать уже прикидывала, как быстро портнихи смогут переделать мой наряд под сестру. Как лучше повернуть ситуацию, чтобы Миранда не выглядела виноватой. Как спасти репутацию семьи, пожертвовав той, кто уже стала невестой второго сорта в глазах привередливого общества.

Это разбило меня сильнее, чем слова Элерса.

Отец шагнул вперед. Его широкая спина в безупречном камзоле закрыла от меня алтарь. Он повернулся к гостям, и на его лице расцвела улыбка — натянутая, до боли знакомая, та самая, которой он пользовался на советах директоров, ко-

гда нужно было скрыть убытки.

— Господа и дамы, — его голос гремел под сводами, уверенный и властный. — Нам понадобится минут двадцать, чтобы... внести небольшие коррективы в церемонию. Вы пока можете наслаждаться музыкой и закусками. Вина сегодня просто восхитительны. Мы специально достали их из старых погребов, в честь такого события!

Нервный, подавленный смешок пробежал по рядам.

Отец обернулся ко мне. Улыбка исчезла с его лица, сменившись маской абсолютного, ледяного прагматизма. Он смотрел на меня не как на дочь. Он смотрел на меня, как на сломавшуюся карету, которую нужно срочно отогнать с главной дороги, чтобы не задерживать кортеж.

— Быстро переодевайся, — прошипел он так тихо, чтобы слышала только я. В его глазах читался жестокий приказ. — И постарайся не испортить платье. Букет от груди убери! А то испачкаешь! Давай, быстрее! Горничная и швея уже ждут! Мы не должны задерживать церемонию.

Платье.

Их волнует платье. Не то, что моя душа прямо сейчас трескается по швам. Не то, что я не могу вдохнуть. Они боялись, что я испачкаю атлас цветами или помну корсет, пока буду падать в обморок от горя.

Мое унижение уже не было катастрофой. Оно стало логистической проблемой, которую нужно было красиво решить,

чтобы не пострадали приданое, связи и будущее младшей дочери.

А я?

Я уже пострадала. Со мной все случилось. Меня нужно было просто убрать с прохода, чтобы она могла пройти к своему счастью.

Мир качнулся. Свечи вытянулись в длинные золотые нити, лица гостей поплыли, сливаясь в одну уродливую, пеструю массу.

Я стояла между алтарем и толпой, в платье, сшитом для счастья, и чувствовала, как оно становится моей публичной казнью. Я ощущала на себе сотни взглядов. Они раздевали меня, взвешивали, искали изъян.

«Должно быть, граф что-то узнал... Неужели у старшей был любовник?», — шептались за веерами, пахнущими розовой водой и ядом. — «У нее наверняка есть тайный изъян, который они скрывали...» «Говорят, она слишком горда...» «Бедняжка, видимо, запятнала себя какой-то интрижкой, о которой он узнал...»

Они смотрели на меня как на тушу на мясном ряду, пытаюсь понять, почему покупатель вдруг отказался от нее.

— Ирьяна, — строго и предупреждающе сказал отец.

Вот теперь он смотрел на меня.

— Не устраивай сцен. Не позорь нас еще больше, — сквозь зубы произнес он, поглядывая на гостей. — Быстро переодеваться! Я за это платье кучу денег отвалил! Марш к

горничной! И шлейф не порви!

Я хотела спросить его, разве можно больше. Разве есть степень позора выше, чем эта?

Но губы не слушались. Я перевела взгляд на Элерса.

На его темную прядь, идеально уложенную у виска. На рот, который целовал мои пальцы всего неделю назад, шепча, что я — его судьба.

Он приехал сюда не жениться на мне. Он приехал отказаться от меня. Публично. Жестоко. Чтобы все знали, что выбор сделан не в пользу страсти, а в пользу расчета.

Он сделал шаг в сторону.

Не ко мне. От меня. К Миранде.

— Ну где там платье? - слышался нервный голос матери.

— Нам нужно срочно переодеть Миранду!

Ах, платье... Значит, вас волнует только платье. Сейчас я вам покажу “платье”!

Я сделала шаг вперед, бросая букет на пол, а потомхватила у какого-то старика полный бокал вина.

Я медленно подняла чужой бокал.

Гости замерли.

Наверное, решили, что сейчас я с горя осушу его до дна.

Я резко, коротко дернула запястьем, выплеснув вино себе на корсет.

Холодное вино хлынуло на лиф моего платья. Белоснежный атлас, который мама выбирала три месяца, мгновенно впитал влагу. Темно-красное пятно расплзлось по груди,

словно свежая рана. Оно стекало вниз, пропитывая корсет, юбку, оставляя на ткани мокрые, липкие следы, похожие на кровь.

Что-то с силой обожгло щеку.

Голова резко дернулась в сторону.

Бокал выскользнул из моих пальцев и разбился о мраморный пол.

Глава 1

— Что ты делаешь?! — прошипел отец.

Его рука взметнулась раньше, чем я успела моргнуть.

Второй удар пришелся по щеке — звонкий, хлесткий, отбросивший меня назад. Мир качнулся. В ушах зазвенело, заглушая смех гостей. Я споткнулась о край ковра и упала на колени.

Боль была резкой, горячей, но не такой сильной, как та пустота, что разверзлась внутри после слов Элерса.

— Ты сумасшедшая! — голос отца дрожал от ярости. Он смотрел на меня так, словно я была не его дочерью, а служанкой, на которых он обычно срывался по поводу и без повода. — Это платье стоило целое состояние!

Мама бросилась к Миранде, игнорируя меня, лежащую на полу. Ее руки тряслись, когда она хватала голубую ткань сестры, проверяя, не попала ли на нее хоть капля вина.

— О, боги! Сейчас мы отправим слуг в город, и они привезут новое свадебное платье... Мы быстро его подгоним... — иступленно шептала она, ее глаза бегали по залу, оценивая ущерб репутации, а не моему лицу.

Миранда стояла рядом, прижав ладони к губам. Ее глаза были огромными, влажными, прекрасными. Даже испуг шел ей. Она смотрела на меня не с сочувствием, а с легким отвращением, словно я была грязным пятном на безупречном

паркете.

Элерс утешал Миранду, нежно глядя ее щеку.

Он стоял рядом с ней, словно уже считал своим долгом защищать именно ее.

— Простите, Миранда, — тихо произнес он. — Вы не должны были оказаться в такой ситуации.

— Я не хочу то платье! Я хочу это! — капризно заявила сестра, указывая на мой пропитанный вином корсаж. В ее голосе звучало детское упрямство, неуместное в этой ситуации. Ей нравилось быть в центре внимания, даже ценой моего унижения.

— Может, что-то можно сделать? — слышался голос отца. Он уже успокоился, его разум работал прагматично, ища выход из положения. — Может, его можно почистить... Скажите слугам, чтобы принесли все зелья очистки. Самые дорогие. Быстро!

Он резко повернулся ко мне. Его лицо исказила гримаса ненависти. Не к Элерсу, который разрушил нашу семью одним предложением. Ко мне. Потому что я стала проблемой. Потому что я испортила идеальную картинку.

— Мерзавка! — процедил он, наклоняясь надо мной. От него пахло потом, страхом и гневом. — Дура! Для тебя все закончилось! Так не мешай сестре сделать удачную партию! Испортила такое роскошное платье!

Глава 2

Третья пощечина обожгла мое лицо сильнее второй. Голова мотнулась, и я потеряла равновесие, заваливаясь на бок. Щека горела огнем, во рту появился металлический привкус крови — я прикусила язык.

Я подняла взгляд на Элерса.

На одно короткое мгновение наши глаза встретились.

Элерс отвернулся.

— Быстро тащите ее, — произнес отец, выпрямляясь. Он наклонился и поднял слетевшую с меня вуаль.

Бережно, с какой-то болезненной нежностью, он стряхнул с кружева капли вина, пока юркая служанка приводила в порядок мой свадебный букет, вытирая стебли и лепестки салфеткой.

Отец вручил мою вуаль служанке.

“Готовьте новую невесту!”

Та поклонилась и убежала в боковую дверь.

Меня схватили за плечи. Грубо. Больно. Пальцы отца впились в мокрую ткань, оставляя синяки, которые я почувствую только завтра. Сегодня я чувствовала только холод вина и жар позора.

— Негодница! — шипел он, волоком таща меня прочь от алтаря.

Гости смеялись. Этот звук был хуже криков. Он был ти-

хим, сдавленным, полным злорадного удовлетворения. Высший свет любил трагедии, особенно если они случались с теми, кто считал себя выше других.

— Вот теперь понятно, почему граф отказался, — донеслось из первого ряда.

— Такая истеричка...

— Бедный граф... Ему повезло, что он вовремя увидел ее истинное лицо.

— Правильно сделал.

— Посмотрите, еще и платье испортила... Какая неблагодарность.

— Жалко родителей... Им это платье стоило баснословных денег!

— Сумасшедшая! — заметила какая-то дама, прикрывая рот веером, но глаза ее блестели азартом. — Испортить такое платье! Только ради того, чтобы привлечь внимание? Она точно в своем уме.

— Ее отец слишком долго ей потакал. Давал ей свободу мысли. Вот результат.

— Теперь пожинает плоды.

— Воспитанная девушка никогда бы так не поступила. Она бы не стала усугублять ситуацию.

— Граф еще легко отделался, — слышала я мужские голоса, низкие и осуждающие. — Такая жена и даром не нужна!

— Правильно отец ее ударил! Я бы убила на месте! — слышала я другие голоса. — Вот что значит “дурное воспи-

тание”. Девочка выросла с ветром в голове!

Отец тащил меня в сторону боковой двери, ведущей в коридоры. Мои ноги едва касались пола, я почти висела на его руке. Кружево на моем рукаве хрустнуло под его пальцами, рвалось, но ему было все равно. Главное — убрать меня с глаз долой.

— Ногами шевели, негодница, — рычал он мне в ухо. Его дыхание было горячим и зловонным. — Что? Думаешь, что после этой выходки на тебе кто-то женится? О, нет! Ты просто закопала себя. Теперь ты никому не нужна. Даже нищему. Если раньше был призрачный шанс, то сейчас ты все испортила!

Смех зала стал глуше, но не исчез. Он преследовал меня, как эхо. Отец остановился, чтобы перевести дух, и снова занес руку для удара. Его лицо было багровым, глаза налились кровью.

— Я научу тебя уважать семью! — замахнулся он.

И в тот момент, когда воздух рассекла его ладонь, раздался голос.

Спокойный, ровный, с той самой бархатистой интонацией, от которой у многих девушек подкашивались ноги. Голос человека, который привык, чтобы его слушали с первого раза.

— Я готов жениться на Ирьяне Бельвиль.

Глава 3

Рука отца замерла в воздухе.

Гости притихли. Я тоже замерла, не веря своим ушам. Кажалось, время остановилось. Пылинки в луче света из высокого окна застыли в воздухе.

В зале наступила такая тишина, что я слышала, как где-то на пол упала вилка.

Я медленно подняла голову.

Отец так и замер.

Тень от его поднятой руки падала мне на лицо, отсекая свет из узкого коридорного окна. Я втянула голову в плечи, ожидая второго удара, готовясь к тому, что щека разгорится еще сильнее.

Но удара не последовало.

Воздух вокруг нас вдруг изменился. Словно надвигалась какая-то опасность.

Взгляд отца медленно, словно сквозь густой туман, оторвался от меня и поднялся выше.

Надо мной стоял мужчина.

Он был высоким. Настолько, что его широкие плечи закрыли собой весь свет, и я оказалась в его тени. Темный, почти черный роскошный удивительного кроя камзол резко контрастировал с белоснежной, ослепительно белой рубашкой. Темные волосы были чуть растрёпаны, пряди падали на

лоб.

Но больше всего поражали глаза.

Ярко-зелёные. Цвета весенней листвы, но мёртвой, тронутой первым морозом. Холодные. Абсолютно спокойные.

Он не обращал внимания на скандал, разгорающийся вокруг меня и моей выходки. Он смотрел на высшее общество, как мой отец смотрит на слуг. С презрением и чувством превосходства.

Сначала его взгляд тяжёлым, физически ощутимым грузом лёг на моего отца. Потом скользнул вниз. На меня.

Он осмотрел мокрое платье, впитавшее в себя запах кислого винограда. Задержался на красной, пылающей полосе, горевшей на моей щеке. И, наконец, перевёл взгляд на руку отца, всё ещё сжатую в тугую, побелевший кулак.

В этом осмотре не было жалости. Была лишь констатация факта.

— Мистер Бельвиль, — произнёс мужчина. Его голос был тихим, но зал притих, словно каждое его слово было бриллиантом. — Я готов прямо сейчас жениться на вашей старшей дочери.

Отец застыл.

Я никогда не видела, чтобы Ричард Бельвиль терял дар речи. Этот человек умел говорить так, что его слова заставляли трещать по швам банковские счета и рушиться чужие жизни.

Он спал и видел, как наша семья, поднявшаяся всего два

поколения назад из лавочников, станет частью высшего общества. Но аристократия всё ещё смотрела на нас с презрением древних кровей и титулов, расцветая только тогда, когда отец открывал кошелёк.

Сейчас его челюсть безвольно отвисла. Рот приоткрылся, закрылся, судорожно сглотнул воздух и снова открылся. Ни одного звука.

За моей спиной послышался шёпот. Сначала одиночный, испуганный, а потом подхваченный десятками голосов.

— Герцог...

Ещё один голос, почти благоговейный, срывающийся на шёпот:

— Сам герцог Арундел...

И словно весь зал одновременно вспомнил, как нужно дышать.

Смех, который до этого липким эхом висел в воздухе, оборвался. Шепот стих, раздавившись о каменные своды. Кто-то поспешно, неловко поклонился, задев локтем соседа. Кто-то попятился, освобождая проход, прижимаясь к стенам, словно мы с герцогом излучали опасность.

Я рискнула повернуть голову.

— Ваше... ваше сиятельство... — наконец выдавил отец. Голос его предательски дрогнул, сорвавшись на фальцет.

Он поспешно расправил камзол, дергаясь так, будто под одеждой у него кишели насекомые. Провел ладонью по волосам, приглаживая их, будто надеялся, что это движение со-

трет последние десять минут его жизни.

— Вы... не шутите?

Глава 4

Герцог даже не улыбнулся.

— А я похож на человека, который шутит подобными вещами? — вскинул бровь герцог, глядя на отца так, словно он сказал пошлость на похоронах.

Отец судорожно сглотнул. Кадык ходил ходуном под тонкой гладко выбритой кожей шеи.

— Нет... Конечно нет...

— Тогда повторю, — герцог сделал шаг вперед, и я инстинктивно вжалась спиной в холодную стену. — Я намерен взять в жены леди Ирьяну Бельвиль. Сегодня. Без помолвки.

В этот момент распахнулась боковая дверь.

— Где платье?! Служанки уже готовы попытаться его отстирать! Ты чего медлишь, Ричард! Быстро тащи эту мерзавку с глаз долой! — почти выкрикнула мама, выбегая в зал. — Мирандочка уже извелась. Она вот-вот заплачет. Ей срочно нужно платье!

Ее лицо было перекошено от нервного возбуждения, в руках она сжимала горсть кружев.

— Замолчи, — резко оборвал ее крики отец.

Я моргнула, не веря своим ушам.

Я никогда, слышите, никогда не слышала, чтобы отец говорил с ней таким тоном. Это не был крик. Это был тихий, плоский звук, от которого по коже побежали мурашки. Звук,

которым приказывают замолчать собаке, которая разбудила хозяев ночным лаем.

Мать растерянно замерла. Кружева в ее руках дрогнули.

— Ты что? Миранда уже в слезах! Все готово! Давай сюда эту... эту... дуру! Время, Ричард! Время!

Отец быстро шагнул к ней. Схватил за локоть так же грубо, как за минуту до этого схватил меня. Наклонился, закрывая ее от меня спиной.

Что-то прошептал. Коротко. Жестко.

Я увидела, как у матери расширились глаза. Зрачки поглотили радужку. Она резко, дергано повернулась ко мне.

Еще несколько секунд назад она смотрела на меня как на лужу, в которой испачкала подол платья.

— Ирьяночка... — тут же прошептала мама. — Милая... Ты как?

Голос стал мягким. Ласковым. До тошноты сладким. Почти нежным.

— Девочка моя... Прости, что мы... Мы все тут перенервничали... Поднимайся, крошка моя...

Она бросилась ко мне. Я не успела отстраниться, не успела отшатнуться. Ее руки, пахнущие тяжелыми розовыми духами и пудрой, легли на мои плечи. Осторожно, почти благоговейно, она поправила мокрый корсет моего платья, пальцами стряхнула каплю вина, стекавшую к ключице.

Провела ладонью по моим волосам, убирая выбившуюся прядь за ухо. Словно никогда, слышите, никогда не собира-

лась снять это платье с меня ради Миранды. Словно она всегда была на моей стороне, всегда любила меня больше жизни.

— Пойдем скорее... — тараторила она, ее пальцы нервно, но бережно касались моей кожи, оставляя на ней холодный след пудры. — Нужно привести тебя в порядок... Платье обязательно почистят, у нас есть лучшие мастера... Волосы уложат заново... Ты же не можешь предстать перед герцогом в таком виде, моя хорошая...

Я смотрела на нее и видела чужую женщину.

Ее глаза блестели не от слез. От жадности. От лихорадочного, животного блеска, с которым смотрят на золотой слиток, упавший с неба прямо в грязь. Титул герцогини не снился вчерашним лавочникам.

Отец уже оказался рядом.

— Осторожнее, доченька... Тут ступенечка...

Глава 5

“Доченька!”

Меня пробрала дрожь, от которой заболели зубы. Он никогда не называл меня так при посторонних. Это слово было для семейных портретов, для светских хроник, для выгодных сделок.

Он бережно, двумя пальцами, поднял край моего испачканного, тяжелого от вина подола. Отряхнул его, хотя с пола поднималась лишь невидимая пыль. Поправил складки на юбке.

Пальцы, которыми он только что бил меня по лицу так, что звенело в ушах, теперь почти ласково разглаживали мокрую ткань.

— Не торопись, Элеонора, дай ей вдохнуть. Она так испугалась... Сейчас прикажу принести водички... Нашей девочке нужно прийти в себя, — произнес он с натянутой, до боли в скулах улыбкой, обращаясь к матери, но глядя на герцога. — Мы сейчас все исправим...

Я стояла между ними, в липком, холодном платье, с пылающей щекой, и слушала их голоса.

И в этот момент я поняла страшную, нестерпимую вещь. Не герцог изменил их. Не его титул и не его деньги перекроили их души за одну секунду.

Он просто подошел к весам и положил на них свою фами-

лию. И показал, сколько на самом деле стоила их любовь.

Минуту назад я была позором семьи. Ошибкой, которую нужно было стереть. Невоспитанной дочерью, которая вместо того, чтобы покорно повиноваться и позволить себя растоптать, проявила гордость и характер.

А теперь я стала шансом. Шансом стать родственниками герцога Арундела.

И если бы герцог прямо сейчас потребовал, чтобы они отрезали мне руку, отец бы уже искал нож.

Я шла, почти не чувствуя ног.

Вернее, меня вели.

Мать крепко держала меня под локоть. Ещё совсем недавно эти же руки готовы были вытолкнуть меня из зала, освободить место для Миранды. Теперь они поддерживали меня с такой заботой, что меня начинало мутить от этой фальши.

Коридор был длинным, с высокими окнами, через которые пробивался холодный свет вечера и теплый свет фонарей. Где-то вдалеке, за толстыми стенами, доносился приглушённый гул голосов — гости всё ещё стояли в зале, обсуждая произошедшее, смакуя каждую деталь моего позора.

Мы свернули налево.

За первой же дверью слышались голоса.

— Осторожнее... Не так высоко... Да, вот сюда...

Дверь была приоткрыта. Тонкая полоска света падала на тёмный пол, и в этом свете клубилась пыль.

Я невольно повернула голову.

Миранда сидела перед большим зеркалом в потемневшей серебряной раме. Служанка — Лидия, я знала её с детства, она пахла молоком и тестом, и её руки всегда были тёплыми — укладывала волосы сестры. Вплетала в них тонкие нити, крошечные цветы. Перед ней на столике, застеленном белым кружевом, лежала моя фата.

Моя.

Глава 6

Та самая, которую отец поднял с пола. Которую он стрягивал бережно, с той особой нежностью, которую он никогда не проявлял ко мне, но всегда — к вещам, имеющим цену. Я помнила его пальцы на тонком тюле. Помнила, как он сдувал с кружева пылинки. Пока я лежала у его ног. Пока моя щека пылала. Пока моё платье впитывало вино и чужие взгляды.

Возле фаты, на бархатной подушечке, блестели жемчужные шпильки. Служанка уже взяла одну из них в руку. Миранда подняла глаза.

Наши взгляды встретились в зеркале.

Она была бледной. Растерянной. Её губы дрогнули, и она даже привстала, протянув ко мне руку.

— Мое платье... — всхлипнула она.

Мама резко распахнула дверь.

— Лидия! Немедленно сюда!

Служанка обернулась, и я увидела её лицо — простое, доброе, с морщинками у глаз. Она замерла, держа шпильку в воздухе.

— Но, госпожа... Я заканчиваю прическу младшей барышне...

— Бросай всё! — резко сказала мать. — Сюда! Живо! Комната замерла.

Служанка медленно перевела взгляд с Миранды на ме-

ня. На мокрое платье, которое липло к моему телу, оставляя тёмные, холодные пятна. На распухшее лицо. На красный след от пощёчины, который становился всё ярче, словно отец решил оставить на мне свою подпись.

Потом снова посмотрела на мать.

— Немедленно, — повторила мама уже спокойнее, но в её голосе звенела сталь.

Служанка поспешно поставила шпильки обратно на бархат. Моя фата так и осталась лежать перед Мирандой. Белая, невинная, готовая украсить голову той, кто её не заслуживала.

Я отвернулась.

Не могла смотреть.

Меня ввели в соседнюю комнату. Пахло лавандой, свечным воском и чем-то лекарственным — наверное, кто-то из гостей недавно пользовался нюхательной солью. На столике у стены стоял графин с водой, и на его гранёном боку дрожали блики от огня.

— Скорее! — распоряжалась мать, и голос её уже звучал иначе. В нём больше не было паники. Была деловитость. Сосредоточенность полководца, перестраивающего армию на ходу. — Принесите тёплую воду. Полотенца. Очистительное зелье. И осторожнее с платьем!

Конечно.

Сначала платье.

Потом уже я.

Меня усадили на маленький мягкий пуфик перед высоким зеркалом. Рама была позолоченной, с завитками, и в этом зеркале отражалась какая-то женщина.

Я долго смотрела на неё и не сразу поняла, что это я.

Глава 7

Волосы растрепались. Несколько прядей прилипли к мокрым щекам, оставляя на коже холодные следы. Глаза распухли от слёз. Кожа была красной от пощечин. Щёки немного припухли и горели воспалённым румянцем. Он становился всё ярче, расползался под кожей. Отец ударил всей рукой, не жалея, не рассчитывая. Просто ударил.

Я не узнавала эту женщину. Но она была мной.

— Боги! Намочите полотенце! Приложите к ее щекам! — командовала мама, расхаживая по комнате. — Ну и цвет... Ужас... Ничего, сейчас припудрим... Чутьочку поправим, и ты снова будешь красавицей.

Вокруг засустились служанки. Две, потом три. Мне сунули мокрое полотенце, а я приложила его к щеке.

Их руки мелькали вокруг меня — тёплые, быстрые, пахнущие мылом и крахмалом. Кто-то осторожно промокивал ткань полотенцем, прижимая его к атласу мягкими, промокательными движениями. Кто-то капал на пятно прозрачное зелье из маленького пузырька с узким горлышком. От него пахло мятой и чем-то едким, щипающим слизистую носа.

— Быстрее... быстрее... — шептала одна, и пальцы её дрожали.

— Не трите... Атлас испортите... — отвечала другая, и в её голосе звучал страх. Страх не за меня — за ткань. За то, что

атлас пойдёт разводами, что волокна растянутся, что платье потеряет форму.

— И вышивку... Гляди, сейчас жемчужины потемнеют... Осторожней!

— Попробуйте ещё...

Я сидела неподвижно.

Они прикасались ко мне. Поднимали край юбки, перебирая мокрые складки. Переворачивали ткань, прижимали полотенца, капали зелье. Их пальцы скользили по моему телу, но я не чувствовала прикосновений. Я чувствовала только холод вина, который давно уже пропитал нижние юбки и добрался до кожи, до рёбер, до чего-то ещё глубже.

Они не спасали меня.

Они спасали платье.

Я была просто формой, на которой это платье держалось. Временной подставкой. И когда платье будет спасено, меня можно будет убрать.

— Может, водички, милая? — неожиданно тихо спросила мама.

Голос прозвучал так близко, что я вздрогнула. Я подняла глаза.

Она стояла рядом со мной, чуть сбоку, чтобы не загораживать свет. Совсем другая женщина. Не та, что пять минут назад шептала: «Снимайте с неё. Надевайте на Миранду». Не та, что не посмотрела на меня, когда отец бил меня по лицу. Эта смотрела ласково. Даже виновато. Её губы были мяг-

ко сжаты, брови чуть приподняты, в уголках глаз блестела влага — не слёзы, нет. Что-то более расчётливое. Видимость слёз.

— Давай я тебе воды налью... Или чаю... Хочешь чаю? Только не плачь, доченька...

Доченька.

Слово ударило сильнее пощёчины. Оно было фальшивым, как дешёвая позолота, и я едва не рассмеялась. Смех подступил к горлу, горячий, горький, и я проглотила его обратно.

Слишком поздно для «доченьки». Слишком поздно для чая. Слишком поздно для всего.

Глава 8

Доченька.

Слово ударило сильнее пощёчины. Оно было фальшивым, как дешёвая позолота на этом старинном зеркале, и я едва не рассмеялась. Смех подступил к горлу, горячий, горький, и я проглотила его обратно.

Слишком поздно для «доченьки». Слишком поздно для чая. Слишком поздно для всего.

— Госпожа, — осторожно произнесла одна из служанок. Та, что постарше, с седой прядью в тёмных волосах. Она не поднимала глаз от платья, и в этом была её маленькая, тихая милость. — Боюсь, так мы ничего не сделаем.

Мама нахмурилась. Морщинка между бровей — я знала эту морщинку, она появлялась, когда что-то шло не по плану.

— Что значит — ничего?

— Пятно прошло глубже, чем казалось. Зелье берёт только верхний слой. Пока платье на барышне, мы не доберёмся до изнанки. Придётся снять.

Мать кивнула. Быстро, деловито. Как будто речь шла о занавеске, а не о моём свадебном платье.

— Конечно. Снимайте.

Она посмотрела на меня. И на долю секунды, на крошечное, ничтожное мгновение, я видела, как в её глазах мельк-

нуло что-то настоящее. Не ласка. Не вина. Раздражение. Раздражение оттого, что я — живая, мокрая, дрожащая — мешаю процессу спасения ужасно дорогой ткани.

Но оно исчезло так быстро, что я могла бы убедить себя, что мне показалось.

— Ирьяночка... Подними ручки...

Я подняла руки. Медленно. Пальцы служанок принялись расстёгивать десятки крошечных пуговиц на спине. Одна за другой. Я чувствовала, как ослабевает давление корсета, как рёбра наконец получают возможность вздохнуть. Но вздох не пришёл. Внутри было слишком пусто для дыхания.

Корсет ослаб.

Платье медленно соскользнуло с плеч.

Тяжёлый мокрый атлас потянул за собой нижние юбки, кружево, подкладку — всё, что наслоилось на мне за эти часы. Ткань сползала по коже, холодная, липкая, и я чувствовала, как она забирает с собой последнее тепло. Платье собралось у моих ног тяжёлой, мокрой грудой.

Мне на плечи накинули халат. Мягкий, светлый, с пушистой изнанкой, которая коснулась кожи — и я вдруг задрожала. До этого момента я не знала, что замёрзла. Холод жил во мне так давно, что стал частью меня, и только тепло чужой ткани показало, как сильно я ооченела.

Зубы пытались стучать. Я стиснула челюсти.

Мать сама налила воду из графина. Хрусталь звякнул о край стакана — тихо, аккуратно. Она опустилась передо

мною на колени.

На колени! Женщина, которая ни разу в жизни не опускалась передо мной, которая всегда стояла надо мной — в прямом и переносном смысле, — теперь стояла на коленях на холодном паркете и протягивала мне стакан.

— Вот... Выпей, дорогая.

Вода в стакане была прозрачной, с крошечными пузырьками на стенках. Я смотрела на неё. Потом подняла глаза и посмотрела матери в лицо.

Её улыбка казалась тёплой, ободряющей, материнской.

— Не хочу.

Улыбка не дрогнула. Но что-то за ней дрогнуло.

— Ирьяночка...

— Я не хочу пить воду, которую предлагает мне женщина, ещё десять минут назад называвшая меня дрянью и мерзавкой.

Слова вышли ровными. Я сама не ожидала, что мой голос способен на такую точность.

Её улыбка дрогнула.

Глава 9

— Милая...

Я мягко отвела её руку. Не толкнула, не вырвала. Просто отвела. Пальцами, без усилия.

Стакан качнулся. Вода выплеснулась — немного, несколько капель — на её пальцы. На подол дорогого платья из тафты цвета слоновой кости. Капли упали на паркет, и я видела, как они остаются на полированном дереве, словно слезы.

Мама вздрогнула.

Но тут же снова улыбнулась. Эта улыбка была удивительной. Она прирастала к лицу за долю секунды, как вторая кожа, и я понимала, что тренировалась она годами. Десятилетиями. Возможно, всю жизнь.

— Прости меня...

Она осторожно поставила стакан на столик и взяла меня за руки.

— Мы все были на эмоциях. Я не должна была говорить тебе такие слова. Конечно, не должна...

Я молчала.

Тишина между нами была не пустой. Она была полной — полной невысказанных вещей, которые обе знали, но ни одна не произнесёт вслух.

— И папа тоже... Он очень переволновался...

Я медленно подняла голову.

— Поэтому он ударил меня при всех? Так что я упала? А сейчас вы все лебезите передо мной, потому что мне сделал предложение герцог. А вам и в самых смелых снах не снилась такая партия?

Она отвела взгляд.

Всего на мгновение. Но в этом мгновении я увидела всё. Она не смотрела в сторону от стыда. Она смотрела в сторону, потому что не знала, как солгать убедительно.

— Ты же знаешь нашего папу...

Улыбка стала виноватой. Почти беззащитной. И в этом была её самая жестокая хитрость: она делала себя маленькой, чтобы я почувствовала себя большой. Чтобы я почувствовала, что обязана простить.

— Он вспыльчивый... Иногда сначала делает, потом жалеет... Как тогда с портретом? Помнишь? Он кричал на лакея за то, что тот повесил портрет криво...

— Правда? — насмешливо поинтересовалась я.

Она кивнула.

— Конечно.

— Странно.

Мой голос прозвучал неожиданно спокойно.

— Миранду он ни разу не ударил. Что бы она ни вытворяла.

Улыбка исчезла. Не растаяла, не дрогнула — исчезла, словно её стёрли. Лицо матери стало пустым. Гладким. И в этой пустоте я видела правду, которую она никогда не ска-

жет вслух.

Миранду он не бил. Потому что Миранда была удобной. Миранда не выливала вино. Миранда не устраивала сцен. Миранда была тем товаром, который всегда можно выгодно продать. А я... Я была той, которая портила картинку. Той, которая думала, что имеет право на чувства.

Мать тяжело вздохнула. Будто именно я поставила её в неловкое положение. Будто это я, сидящая полуголая в чужом халате с распухшим лицом, виновата в том, что заставляю её лгать.

— Не нужно сейчас сравнивать... Ты будущая герцогиня. А она всего лишь графиня.

— Именно поэтому вы все вдруг стали ласковыми и заботливыми? Боитесь, что я припомню? Или боитесь, что я сделаю вид, что семья Бельвиль мне не знакома? Значит, все-таки дело не во мне?

Она промолчала. Я ждала, что она ответит...

Но ответа не было и быть не могло. Потому что любой ответ был бы правдой, а правда в этом доме никому не нравится.

Через несколько секунд мать поднялась. Отряхнула колени — машинально, привычно. Поправила кружевной воротник моего халата пальцами, которые ещё минуту назад дрожали. Движение было точным, нежным, отрепетированным. Будто она всегда делала это с любовью. Будто между нами никогда не было ни вина, ни пощёчин, ни фаты, украденной

у алтаря.

— Ты посиди немного, котенок...

Она заставила себя улыбнуться. И снова — идеально. Ни одной трещины.

— Я посмотрю, как там платье. А заодно узнаю, как там гости. Сейчас папа их развлекает. Так что я скоро вернусь.

Конечно.

Сейчас важно платье.

Не я.

Глава 10

Она тихо вышла. Дверь закрылась — не с треском, не с хлопком, а с тем мягким звуком, словно не желая тревожить больного.

Комната сразу стала огромной. Пустой. Камин трещал, но жар не доходил до меня. Огонь был за стеклом, за решёткой, за расстоянием. Как всё в моей жизни теперь.

Я подтянула колени к груди. Халат был мягким, тёплым, но я дрожала. Дрожала не от холода. От того, что внутри меня что-то только что умерло — тихо, без криков, без свидетелей. Что-то, что я носила всю жизнь и называла семьёй.

Я закуталась плотнее, сжала пальцы на коленях и закрыла глаза.

Это сон. Просто сон.

Сейчас дверь откроется. Кто-нибудь скажет, что герцог уехал. Что никакого предложения не было. Что меня ждёт комната наверху, маленькая, без окон, и жизнь, которую я испортила своей гордостью.

Я бы почти обрадовалась этому. Потому что это хотя бы известное будущее. А то, что ждет меня, — сплошная неизвестность.

Почему?

Почему герцог решил выбрать именно меня? Почему настоял на свадьбе без помолвки?

Я почувствовала, как меня просто отключает. Я пыталась открыть глаза, но не смогла, понимая, что погружаюсь в темноту. Я не знала, что это было. Обморок от нервов или просто усталость от эмоционального перегруза. Или мое тело сказала: «Всё, достаточно. Больше ты не вынесешь!».

Мне снилась подготовка к свадьбе, веселая беготня по дому. Отец ругался с мамой из-за счетов.

«Это сплошное разорение!» — кричал он, ударяя кулаком об стол. — «И ладно бы что-то дельное! Но нет! Какие-то кружавчики!».

«А что ты хотел, Ричард! Ты хотел в высшее общество! А это дорого! Свадьба должна быть достойной, так что кружево мы берем лучшее», — возмущалась мама.

Он всегда экономил на всем. Считал каждую копейку. Хотя по праву считался одним из богатейших людей столицы.

Сквозь тяжелый сон я вдруг услышала короткий металлический щелчок. Прямо возле уха.

Клац... Клац...

Что-то мягкое коснулось моей щеки, словно погладило ее.

Я машинально убрала это.

На ладонь упало что-то мягкое.

Я еще не понимала, что это.

С трудом разлепив глаза, я посмотрела.

...

Волосы.

Мои волосы.

Глава 11

Я смотрела на длинную светлую прядь, лежащую у меня на ладони, и не понимала, что происходит.

Мозг отказывался связывать её со мной. Это были просто волосы. Чужие. Мёртвые. Тонкие, как нити паутины, они лежали на моей коже, не шевелясь. Я провела по ним подушечкой большого пальца — холодные, гладкие, безжизненные.

Где-то совсем рядом снова раздалось тихое:

Клац.

Я резко вскинула голову.

Перед зеркалом стояла Миранда.

В руках она держала большие портновские ножницы — те самые, которыми модистки кроили ткань для наших платьев. Лезвия были длинными, с тупыми концами, но острая кромка у основания блестела, как рыба чешуя. На металле отражалось пламя свечей, дрожащее и кривое.

А у её ног на полу... лежали мои волосы.

Длинные. Светлые. Те самые, которыми мама всегда хваталась перед гостями. Которые служанки расчесывали по полчаса перед каждым балом, вплетая в них жемчужные нити и ленты. Которые Элерс однажды, в саду, наклонившись к моему уху, назвал шёлком.

Они валялись на паркете беспорядочной кучей. Словно мусор. Словно кто-то вытряхнул содержимое мусорного вед-

ра прямо посреди комнаты, и эта куча ещё дышала запахом розовой воды и лавандового масла, которым их пропитывали каждую ночь.

Миранда посмотрела на меня и вдруг звонко рассмеялась. — Наконец-то проснулась, сестричка-истеричка!

Я машинально коснулась головы.

Пальцы провалились в пустоту.

Локон, который всегда ложился мне на плечо, исчез. Виски были неровно обрезаны. С одной стороны волосы едва касались подбородка, с другой торчали рваными прядями, цепляясь за кожу, как когти. Я провела рукой по затылку — там, где раньше была тяжёлая, тёплая масса, теперь ощущалась голая кожа, холодная и липкая от пота.

Я резко вскочила. Стул за моей спиной опрокинулся с глухим стуком, и я даже не почувствовала, как больно ударилась плечом о край стола. Я бросилась к зеркалу и едва не закричала от ужаса.

Неровно остриженные волосы торчали клочьями. С одной стороны они едва касались подбородка, с другой были обрезаны почти под самое ухо. Казалось, меня не стригли. Меня кромсали.

Я машинально коснулась рваных прядей.

Герцог... Сердце болезненно сжалось.

Он увидит меня такой.

Еще несколько минут назад я боялась, что предложение окажется жестокой шуткой.

Теперь мне вдруг стало страшно, что оно было настоящим. Потому что какая женщина войдет к герцогу с такой прической? Какая герцогиня может выглядеть так жалко? Мне захотелось спрятаться. Закрыть лицо руками. Исчезнуть раньше, чем он увидит, во что меня превратили.

Позади меня Миранда ухохатывалась от смеха.

— Зачем?.. — мой голос сорвался на хрип. — Зачем ты это сделала?!

Глава 12

Миранда беспечно пожала плечами. Её голубое платье — то самое, в котором она стояла у алтаря, пока меня тащили прочь, — теперь было идеально отглажено. На шее блестела мамина жемчужная нить. Та, которую мать снимала с собственной шеи только по большим праздникам.

— Как зачем?

Она подняла ножницы и лениво покрутила их в пальцах. Лезвия снова щёлкнули.

Клац.

Звук был сухим, металлическим, и от него у меня по позвоночнику пробежал холод.

— Ради своего будущего.

Она улыбалась. Спокойно. Почти счастливо. Так улыбаются дети, когда находят в саду потерянную монету.

— Теперь ты уже точно ни на что не сможешь претендовать.

Я смотрела на неё, не понимая. Тошнота поднималась откуда-то из желудка, тяжёлая, горячая, с привкусом желчи. Я сглотнула, но это не помогло.

Она рассмеялась ещё громче. Звук отскочил от каменных стен комнаты, и вдруг мне показалось, что смеётся не одна Миранда, а десяток таких же, как она, — красивых, изысканных, уверенных в своей правоте.

— Ну правда, Ирьяна. Неужели ты думаешь, что после сегодняшнего хоть кто-нибудь захочет взять в жёны женщину, которую сначала бросили у алтаря, а потом ещё и остригли?

Сестра демонстративно окинула меня взглядом — сверху вниз, медленно, оценивая свою работу.

— Какая причёска... Очень идёт опозоренным невестам. Да, сестричка-истеричка?

Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Настоящая, физическая. Я сделала шаг вперёд, и пол качнулся под ногами. Пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть. Пальцы сжались на дереве так сильно, что ногти хрустнули.

— Ты...

— Что — я?

Миранда сделала ещё шаг. Теперь между нами было меньше расстояния, чем нужно для приличия. Я чувствовала запах её духов — те же, что и у матери. Роза, мускус, что-то сладкое, почти приторное. От этого запаха меня затошнило ещё сильнее.

— Я всего лишь помогла судьбе. Разве не так?

Она кончиком туфельки — маленькой, атласной, с серебряной пряжкой — оттолкнула лежащую на полу прядь. Волосы зашевелились, как живые, и снова замерли.

— Теперь оба приданных достанутся мне. А потом ещё и наследство.

Я нахмурилась. В голове, затуманенной болью и шоком,

медленно, как сквозь вату, пробивался смысл её слов.

Она улыбнулась ещё шире.

— И моё. И твоё. Отец ведь не станет тратить деньги на ту, которая никому не нужна?

Она весело развела руками, и ножницы в её пальцах блеснули снова.

— Зачем? Чтобы потом какой-нибудь крестьянин получил вместе с тобой целое состояние? Папа не позволит. Так и быть, мешочек монет кинет. С вас хватит!

Она даже фыркнула, и в этом звуке было столько презрения, что мне захотелось ударить её. Замахнуться и ударить так, чтобы она замолчала навсегда. Но руки не слушались. Они всё ещё сжимали край стола, и я чувствовала, как дерево впивается в ладони, оставляя занозы.

— Нет уж. Приданое нужно приличным людям. А не жалким нищим.

Она задумалась, словно действительно пыталась подобрать мне подходящую судьбу. Палец постучал по губам — жест, который я видела у неё тысячу раз, когда она выбирала ленту к платью или сорт слив на завтрак.

— Хотя... Крестьянин... Нет. Даже крестьянин любит красивую жену. Даже ему придётся долго думать, прежде чем жениться на тебе!

Глава 13

Она снова рассмеялась. На этот раз смех был короче, суше.

— Может быть, какой-нибудь вдовец с шестью детьми. Или старик, которому нужна бесплатная работница.

Она мечтательно прикрыла глаза, и на её лице появилось выражение, которое я видела только тогда, когда она читала дешёвые романы про несчастных девушек.

— Будешь вставать затемно. Доить коров. Чистить хлев. Вечно пахнуть сеном и навозом.

Она открыла глаза и посмотрела на меня. В её взгляде не было злобы. Было что-то хуже — любопытство. Ей было интересно, расплачусь ли я или нет?

— Представляешь? По двору бегают десяток ребятишек. Один висит у тебя на юбке. Другой орёт. Третий ревет в колыбели. Четвёртый уже тащит в рот грязь.

Она снова посмотрела на меня — на мои голые виски, на рванные пряди, на красную полосу от пощёчины, которая к этому времени уже начала синеть.

— А я...

Она медленно провела ладонью по своему идеально уложенному локону. Волосы были тяжёлыми, блестящими, живыми. Они ловили свет свечей, и мне на секунду показалось, что это мои волосы — те, которые час назад лежали на её

плечах, пока я стояла у алтаря и ждала, когда Элерс скажет своё «да».

— Я буду проезжать мимо в роскошной карете. Граф будет сидеть рядом. Лакеи будут позади... А ты будешь бежать за каретой: «Сестричка! Дай монетку! Нам кушать не на что!»

Она наклонилась совсем близко. Я чувствовала её дыхание на своей щеке — тёплое, пахнущее мятой.

— И я сделаю вид, что не узнаю тебя. Негоже графине знаться с крестьянками!

Её голос упал до шёпота, и в этом шёпоте было что-то интимное, почти нежное.

— Потому что иметь такую сестру будет ужасно стыдно.

Она тихо засмеялась. Потом подняла с пола длинную светлую прядь. Покрутила её между пальцами — лениво, задумчиво, как ребёнок, играющий с лентой.

И выпустила.

Волосы медленно опустились к остальным. Мягко, беззвучно, как пух.

Я больше не слышала ее смех. Я смотрела на свое отражение.

Если герцог действительно хотел взять меня в жены, теперь он передумает.

И, наверное... Я не смогу его за это осуждать.

Глава 14

Дверь распахнулась и ударилась о стену, оставив след от ручки на обоях.

Мать влетела в комнату так, будто за ней гнались.

Порог она переступила с размаху, на ходу распахивая рот, чтобы выкрикнуть очередное распоряжение — про зелья, про горничных, про прическу. Но слова застряли у неё в горле, когда она взглянула на меня.

Она замерла, словно не веря своим глазам.

Её взгляд — тот самый, оценивающий, деловитый, которым она осматривала бракованный товар на складе — скользнул по полу. По длинным светлым прядям, рассыпанным между ножками пуфика, словно кто-то выронил связку дорогого шёлка. По ножницам в руках Миранды. По моему отражению в зеркале — с голыми висками, с рваными прядями, прилипшими к потной щеке.

Мать побледнела. Не постепенно — сразу, словно из неё выкачали всю кровь.

Я стояла неподвижно. Кожа головы была странной — оголённой, чужой. Воздух в комнате касался её напрямую, без привычной тяжести волос, и от этого ощущения меня знобило до дрожи в коленях. Каждая прядь, которую Миранда отрезала, унесла с собой немного тепла. Теперь мне было холодно там, где раньше было тепло. Там, где Элерс когда-то

зарывался пальцами, шепча, что мои волосы пахнут весной.

Весна кончилась.

— Мамочка! — Миранда обернулась, и голос её звенел весело, по-детски. Она подпрыгнула на носках, словно показывала новый рисунок. — Ну как? Правда, ей идёт? Причёска опозоренной невесты!

Она хихикнула. Звук был тонкий, острый, как лезвие ножниц.

Мать не ответила сразу. Я видела, как дрогнули её губы — не от ужаса за меня, нет. От страха за что-то другое. За что-то, что она ещё не успела понять, но уже почувствовала нутром, как старый торговец чувствует фальшивую монету в кошельке.

Потом она шагнула вперёд и впервые ударила Миранду.

Резко. Размашисто. Удар пришёлся сбоку — широкий, хлёсткий, от которого у Миранды дёрнулась голова. Ножницы вылетели из её пальцев, звякнули о паркет, отскочили к стене и замерли, поблёскивая в полумраке.

Лезвие полоснуло матери по ладони. Тонко. Аккуратно. На белой коже сразу набухла кровь — густая, тёмная, она проступила медленно, словно нехотя. Капля повисла на сгибе пальца и сорвалась на ковёр, оставив крошечное круглое пятно.

Мать даже не посмотрела на порез.

— Что... ты... наделала?! — голос её сорвался на крик, но крик был не от гнева. От паники. От той самой паники, с

которой она будила отца ночью, когда ей снилось, что один из наших кораблей пошёл ко дну.

Служанка ахнула — коротко, испуганно — и бросилась за платком. Мать машинально сжала ладонь в кулак, но крови словно не замечала. Её глаза были прикованы к Миранде.

— Мам, ты что?! — Сестра прижала руку к щеке, и в голосе её было больше обиды, чем страха. — Больно же!

Глава 15

Мать схватила её за волосы.

Не за локон, не за прядь — за самые корни, так, что кожа на виске натянулась. Миранда вскрикнула — коротко, тонко, как раненая птица.

— Пусти! Мам! Пусти!

Она дёрнулась, попыталась вывернуться, но мать держала железно. Пальцы, которые минуту назад гладили меня по голове, вцепились в Миранду с той же силой, с какой отец тащил меня прочь от алтаря.

Мать наклонилась к самому её лицу. Так близко, что их носы почти соприкоснулись. И прошипела — тихо, так тихо, что я услышала только потому, что в комнате стало нечем дышать.

— Пока ты развлекалась... к Ирьяне посватался герцог.

Миранда замерла.

Буквально. Тело её окаменело, рука, которой она пыталась отцепить мать от своих волос, повисла в воздухе.

— Что?..

— Герцог Олвинд Арундел! — Мать почти выплюнула это имя, словно оно жгло ей рот. — Он сделал предложение твоей сестре! Сегодня! При всех! А ты остригла ее, маленькая гадина! Ты всё испортила!

Пальцы матери медленно разжались. Прядь Мирандиных

волос — золотых, тяжёлых, напомаженных — скользнула между её пальцев и упала сестре на плечо.

Миранда не двигалась.

Она смотрела на мать. Потом на меня — на моё голое тело, на красную полосу от пощёчины, на халат, съехавший с плеча. Потом снова на мать.

Я видела, как у неё в голове рушится сегодняшний день. Каждая его минута. Каждое триумфальное мгновение у алтаря, когда Элерс произнёс её имя. Каждое сладкое «да», которое она уже почти успела произнести в своём воображении. Всё это трескалось, сыпалось, как сухая штукатурка со стены.

— Герцог?.. — переспросила она. Голос был тоньше нити.

— Да! — Мать снова сорвалась. Кровь с её ладони капнула на паркет — ещё одна тёмная монета. — А ты... ты... Посмотри, что ты с ней сделала!

Миранда медленно перевела взгляд на пол. На мои волосы, рассыпанные между ними, как оброненное богатство.

Её лицо стало белым. Очень белым. Белее, чем моё свадебное платье до того, как я облила его вином.

Мне показалось, сейчас она заплачет. Я даже приготовилась — собрала внутри себя то самое тёмное, холодное удовлетворение, которое должно было хлынуть мне в грудь при виде её слёз. Я ждала его, как ждут глотка воды.

Но вместо этого...

Она улыбнулась.

Глава 16

Странно. Криво. Углом рта, в котором ещё минуту назад дрожала обида. Почти нежно — так улыбаются, когда жалеют того, кому собираются сказать что-то очень плохое.

Посмотрела прямо мне в глаза.

— Что ж... — тихо произнесла она. Голос её вдруг стал другим — ровным, без детских капризных ноток. Взрослым. — Поздравляю, сестричка.

Пауза. Совсем короткая. Я успела вдохнуть — и воздух показался колючим.

И потом — очень спокойно, почти буднично, словно общала, что на завтрак подают овсянку:

— Жаль, что ты многого о нём не знаешь. Я хочу видеть твое лицо в тот момент, когда ты поймешь, почему он на тебе женился!

Она развернулась. Её голубое платье прошелестело по полу, задевая мои отрезанные волосы. Она не обернулась. Не посмотрела на мать, которая всё ещё стояла с окровавленной рукой, с разинутым ртом.

Просто вышла.

Дверь закрылась за ней с громким истеричным хлопком.

В комнате повисла тишина. Густая. Звонящая. В ушах у меня стучало — не сердце, нет. Что-то другое. Что-то, что я не могла назвать. Слова Миранды прилипли к мыслям. “Ты

многого о нём не знаешь!”

Что она имела в виду?

Что он болен? Что у него уже есть жена, спрятанная в северном крыле замка, с которой он не разведён, но не до конца? Что он берёт меня не из жалости и не из расчёта, а для чего-то совсем другого — тёмного, о чём приличным девушкам не говорят даже шёпотом?

Я не знала. И это незнание было хуже любого ответа.

Мать медленно опустилась на колени. Колени её ударились о паркет с глухим стуком, но она не заметила. Подняла с пола длинную прядь моих волос. Пальцы её задрожали. Она сжала прядь, как сжимают руку умирающего.

— О боги... — прошептала она. Голос её был чужим. Тонким, старческим. — Что мы скажем герцогу?..

Она беспомощно посмотрела на служанок. Те стояли вдоль стены, прижавшись друг к другу, как испуганные овцы. Одна из них — Лидия, та, что утром плела мне косу, — тихонько плакала, зажав рот рукавом.

— Быстро! — Мать рывком поднялась, пошатнулась, ухватилась за край стола. — За хозяином! Немедленно!

Служанка — не Лидия, другая, помоложе, с веснушками на носу — сорвалась с места и вылетела в коридор так быстро, что за ней завихрился воздух.

Мать продолжала смотреть на мои волосы. На прядь в своей окровавленной руке. Кровь с её ладони уже впилась в волосы, окрасила их у корней в тёмно-ржавый цвет.

Она держала эту прядь так, словно в ней был написан смертный приговор — не мне, а всей семье. Всему тому, ради чего она десять лет льстила, училась этикету, покупала дорогие платья и звала в дом гостей, которых ненавидела. И которые презирали ее.

“Зачем ты зовешь их в гости? Ты же видишь, как эти аристократические курицы потешаются над нами!”, — ворчал отец. — “Они нас ни во что не ставят! Они так и называют нас! Лавочкики!”

“Я мечтаю, чтобы наши девочки получили титулы!”, — вспомнила я слова матери, когда служанки убрали стол после чаепития, когда гости уже разъехались. — “Даже если мне придется лично обхаживать каждую курицу с титулом и терпеть насмешки над моим вкусом! К тому же половина из них живет в долг! У них столько долгов, что страшно думать об этом! А у нас есть деньги!”

“Жаль, что просто нельзя прийти к королю и купить титул!”, — ворчал отец.

“Нам нужен не просто титул. Нам нужна древняя кровь!” — заметила мать, видя, как служанки проносят мимо нее недоеденные пирожные.

Эта картинка до сих пор стояла перед моими глазами. Словно это было не год назад, а вчера.

Через несколько секунд дверь распахнулась.

Отец влетел в комнату — запыхавшийся, с расстёгнутым воротником камзола, с выбившейся прядью седых волос. Он

увидел пол. Волосы. Меня — в халате, с голой головой, с красной щекой.

И застыл.

— Это... — хрипло произнёс он. Голос его сел, словно он проглотил горсть песка. — Что... это такое?..

Глава 17

Он медленно, почти неохотно, опустился на корточки. Поднял с пола одну из пряжей. Она свисала между его толстыми пальцами, как оборванная лента от подарка, который разбился по дороге.

Я смотрела на него и думала: он не видит меня. Он видит только то, что волосы — это тоже актив. Ещё один предмет, который можно оценить, продать, обменять. И сейчас этот актив испортили.

— Я отвлеклась буквально на минуту проверить, как там платье! — задыхалась от волнения мама. — Прихожу, а тут такое... Это... Это Миранда...

— Я сейчас своими руками сверну ей шею! — зарычал отец, а его глаза налились кровью.

— Нет! — вцепилась в него мать. — Постой, Ричард. Если сейчас герцог откажется от невесты... А он вправе отказаться... То Миранда станет женой графа. Граф, конечно, не герцог, но тоже неплохо. Так что пока не трогай ее...

Она погладила отца по груди, а потом отстранилась и сделала несколько шагов по комнате.

— Может... парик?... — прошептала мать. Она привалилась к стене, и я видела, как её спина оставляет на обоях влажный след — она потела, несмотря на холод в комнате. — О, боги... Срочно парик...

— Лучший! — Отец резко поднялся, и в голосе его снова прорезался тот самый Ричард Бельвиль — торговец, который умеет решать вопросы. — Немедленно отправить человека в город! Пусть перевернёт все лавки! Все мастерские! Мне всё равно, сколько это будет стоить! Скажи, что Бельвиль платит тройную цену! Скажи, что я лично приеду и...

Он осёкся. Потому что сказать было нечего. Что он сделает? Приедет и будет угрожать парикмахерам? Это работало с поставщиками ниток. Но не с теми, кто обслуживает аристократов и пользуется особым расположением за удачно подобранный стиль.

— Это какой-то дурной сон, Ричард... — Мать всхлипнула, вцепилась ему в рукав. Ткань камзола сморщилась под её пальцами. — Это просто дурной сон... Сейчас проснёмся...

Служанки уже суетились — торопливо расправляли платье, которое удалось очистить так, что издали пятно было незаметно. Кто-то принёс ленты, кто-то перебирал украшения из шкатулки, которую мать, видимо, велела принести ещё до того, как вошла и увидела пол.

Кто-то побежал за швеей. Кто-то — за парикмахером и париком. В комнате началась та самая паника, которую я уже видела внизу, в зале.

Я сидела неподвижно. Халат лип к спине, влажный от пота. Голова была лёгкой, пустой, как тыква, из которой выскребли всё содержимое. И вдруг я поняла — тихо, без удивления, как понимают то, что давно знали.

Они снова спасали не меня.

Они спасали встречу с герцогом.

Встречу, от которой зависело всё. Титул. Место в свете. Те самые золочёные ворота, к которым они ползли двадцать лет, оставляя за собой обглоданные кости конкурентов.

Именно поэтому, когда в дверь неожиданно постучали, мать побелела ещё сильнее, если это вообще было возможно.

— Не открывать, — прошептала она. Голос её был сухой, наполненный паникой. — Никому... Пока не принесут парик... Мы не должны показывать ее в таком виде... Парик еще не приехал...

Стук повторился. На этот раз настойчивее. Три коротких удара — ровных, размеренных, без тени нетерпения. Так стучит человек, который знает, что ему откроют, потому что ему всегда открывают.

Отец дёрнулся, словно его ударили. Мать прижала окровавленную ладонь к груди — не к сердцу, а к тому месту, где у неё висела тяжёлая золотая цепь, её главная гордость.

— Кто там? — прошипел отец, не скрывая раздражения.

— Его сиятельство хочет видеть свою невесту, — произнес голос, от которого я вздрогнула.

Глава 18

— Не открывай, умоляю! — шептала мать, закрывая рот рукой. — Скажи... Скажи, что она не готова... Что она... эм... переодевается... Придумай что-нибудь, Ричард!

— Эм... Она как раз переодевается... Передайте его сиятельству, что невеста пока... эм... готовится... — произнес отец, а на его висках выступила испарина.

Мать молча кивала каждому его слову, а ее губы что-то шептали, словно подсказывая.

— Хорошо, передам... — сообщил голос, а шаги удалились.

Отец стоял посреди комнаты, и я впервые поняла, как выглядит человек, у которого земля уходит из-под ног.

Его ботинки — дорогие, из мягкой кожи, с серебряными пряжками — казались вросшими в паркет. Плечи, которые обычно держал расправленными, словно на них лежала невидимая мантия власти, опустились. Руки висели плетью, и только пальцы правой судорожно прядь моих волос.

Светлая, длинная, с запекшимся на конце тёмным пятном. Кровь матери. Она впиталась в ткань, проступила ржавыми разводами на белой манжете его рубашки — той самой, которую он надевал только на самые важные встречи. Сейчас на ней красовалось бурое пятно, и отец смотрел на

него так, словно это была не кровь, а чернильная клякса на векселе.

Он разжал руку.

Прядь упала на пол.

Мать дёрнулась так, словно кто-то уронил шкаф. Плечи её вздрогнули. Губы разжались, и из горла вырвался звук — не крик, не всхлип, а что-то среднее, протяжное и жалкое, как у побитой дворняги.

— Ричард... — просипела она. Голос был чужим.

— Молчать.

Он не повысил голос. Не посмотрел на неё. Просто произнёс это слово — тихо, почти ласково, и от этого ласкового тона мне стало страшнее, чем от его криков в соборе. Мать замолчала. Послушно. Как служанка. Как та, кого ударили и научили не перечить.

Отец сделал шаг к двери. Потом ещё один. Медленно, словно каждый шаг давался ему с трудом, словно пол под ним превратился в болото.

— Стой! — Мать рванулась к нему, схватила за рукав. Пальцы её впились в ткань так, что костяшки побелели. — Ты с ума сошёл! Её нельзя показывать в таком виде! Быстро, надо что-то придумать. Как-то это прикрыть...

Она обвела комнату взглядом, и я увидела, как её глаза мечутся от предмета к предмету, цепляясь за каждую мелочь, ища спасения. Служанки замерли у стен, прижавшись друг к другу, и мать начала тыкать в них пальцем, словно в

мишени.

— Ленты! — выкрикнула она. — Принесите ленты! Широкие!

— Нет, госпожа, ленты не помогут... — начала одна из служанок, та, что постарше, с седой прядью у виска. Голос её дрожал.

— Тогда цветы! — Мать уже не слушала. — Цветы! Крупные! Розы! Пионы!

— Какие цветы, госпожа? Они все ушли на украшение зала!

— Диадему! — Мать повернулась к шкатулке на столике. — Диадему с камнями! Ту, что с сапфирами! Мою из шкатулки.

— Она закроет только половину...

На мгновенье в матери проснулось здравомыслие. Она посмотрела на меня и поняла, что диадема не спасёт.

— Ничего она не закроет! — Мать схватилась за волосы. Я увидела, как у неё дёргается веко — мелко, часто, как у больной. — Кружево! Принесите кружево! Чёрное! Плотное!

— Чёрное нельзя, госпожа, это траурный цвет...

— Белое! Белое кружево! Любое! Что найдёте! Шляпку! — Мать повернулась ко мне, и в её глазах мелькнула надежда. — Шляпку с вуалью! Густой вуалью!

— У нас нет шляпки, госпожа...

— Срочно купить! Отправить человека в город!

— Не успеем, госпожа, лавки уже закрыты...

Кто-то из служанок — та, что помоложе, с веснушками — робко подняла руку, словно на уроке.

— Может... чепец? — прошептала она. — Старомодный? С оборками? У меня есть...

Мать повернулась к ней так резко, что я испугалась, что она сейчас ударит и её.

— Она не бабка! — прошипела мать. — Ей девятнадцать лет! Ты хочешь, чтобы мы опозорились окончательно!

Швея, та, что ещё час назад кроила ткань для моего платья, шагнула вперёд. В руках она держала иголку — тонкую, серебряную, с ниткой, продетой в ушко. Я увидела, как нитка дрожит в такт её рукам.

— Можно нарастить... — начала она неуверенно. — Локнами... Сначала их склеить. Дождаться, когда клей высохнет и пришить... к ее волосам... Я так уже один раз делала для одной старой баронессы...

— Чем?! — Мать захохотала. Коротко. Зло. — Нитками? И как это будет выглядеть?

— Я... я не знаю, госпожа...

— Тогда молчи! — Мать отвернулась от неё и снова начала метаться по комнате. — Парик! Нужен парик! Лучший! Самый дорогой! Где этот парик?!

Глава 19

Отец стоял у двери и смотрел на всё это. Не двигался. Не говорил. Только его пальцы сжимались и разжимались, словно он пытался удержать что-то невидимое. Я знала, что означает этот жест. Он всегда так делал, когда упускал выгоду, когда деньги утекали у него из пальцев, а выгодный контракт забирали конкуренты.

Я сидела на пуфике перед зеркалом. В халате. С голой головой. С распухшей щекой, которая горела так, словно к ней приложили раскалённое железо.

Я смотрела на них — на мать, на отца, на служанок — и понимала.

Они даже сейчас... не спасали меня.

Никто не спросил, больно ли мне. Никто не спросил, как я себя чувствую. Никто не предложил одеяла, утешения. Зато трое одновременно спрашивали, можно ли скрыть волосы. Можно ли замотать голову. Можно ли обмануть герцога? Хотя бы на время свадьбы!

Я сжала пальцы на коленях. Ногти впились в ткань халата, и я почувствовала, как под ней — кожа, живая, тёплая, моя. Хотя бы это было моим. Хотя бы это никто не мог отнять.

Хаос нарастал. Голоса сливались в единый гул, как жужжание пчёл в улье, который кто-то ударил палкой. Мать выкрикивала распоряжения, служанки суетились, отец молчал

у двери, и всё это кружилось вокруг меня, как водоворот, затягивающий на дно.

— Парик! Ленты! Быстрее!

— Где швея? Принесите ткань! Замотаем голову!

— Позовите парикмахера! Может, он что-то придумает!

— Мадам... Я тут бессилён, надо сказать... Эм... Можно попробовать завить... Но сбоку даже завивать нечего... Можно попробовать зачес... Но тут зачесывать нечего... — слышала я голос парикмахера, которого вызвали для создания у меня на голове модной свадебной причёски.

— Нет времени! Нет времени! Нет времени!

И вдруг — стук. Три коротких удара в дверь. Ровных. Размеренных. Без тени нетерпения.

Все замерли.

Полностью.

Мать застыла с поднятой рукой, в которой она сжимала кружевную ленту. Служанки перестали дышать. Отец медленно, очень медленно повернул голову к двери.

Тишина.

Такая густая, что я слышала, как где-то в коридоре тикают часы. Как одна из служанок всхлипнула и тут же зажала рот ладонью. Как моё собственное сердце стучит в груди — громко, часто, так, что, казалось, его должны слышать все.

— Не открывать! — прошептала мать. Голос её был сухим, как шелест осенних листьев. — Скажи... скажи, что она... Я не знаю...

— Скажи, что ей дурно! — подсказывала одна из служанок.

— Нет! Скажи, что она эм... молится богам об удачном браке! — предложила другая.

— Нет! Что примеряет платье! — Мать схватилась за голову. — Что угодно! Только не герцог! Только не сейчас!

— Я хочу видеть свою невесту, — послышался голос герцога, а вся комната притихла. Мать сложила руки на груди в молитве богам. Впервые за все время она едва не заплакала.

Отец не двигался. Он смотрел на дверь, как на приговор. Потом медленно, словно во сне, сделал шаг к ней. Положил руку на ручку — холодную, бронзовую, с львиной головой.

— Ваше сиятельство... — начал он, не открывая. Голос вышел сиплым, чужим. Он кашлянул, сглотнул, попытался снова. — Леди Ирьяна... немного нездорова. Слишком много волнений... Вы понимаете...

За дверью было тихо.

Так тихо, что я слышала, как мать дышит — часто, поверхностно, как загнанная лошадь. Как отец сглатывает — громко, судорожно. Как где-то в коридоре скрипнула половица.

— Откройте дверь, мистер Бельвиль.

Глава 20

Голос.

Спокойный. Ровный. Без угрозы. Без приказа. Просто констатация.

Отец замер. Рука его на ручке дрожала — мелко, часто, так, что бронзовая львиная голова звякнула о металл.

— Конечно... конечно, ваше сиятельство... — прошептал он.

Он повернул ручку.

Мать издала звук — тихий, почти звериный, как у животного, которое понимает, что сейчас будет больно.

— Ричард... Умоляю... Не надо... Не губи нас... Не открывай... Прошу тебя...

Я знала, что сейчас все закончится. Я знала, что герцогу достаточно одного взгляда, чтобы понять, что в том виде, в котором я есть, вести меня под венец — это позор для любого рода.

Я мысленно готовила себя к жестоким словам, к отказу, к красноречивому взгляду, в котором читается без намеков: «Ни за что!». Но в то же время в сердце горел малюсенький огонек надежды. А вдруг он и правда согласится?

Но было поздно.

Дверь открылась.

Не широко. Сначала только на ладонь. В щель вошёл хо-

лодный воздух из коридора — сквозной, пронизывающий. Он скользнул по полу, холодный, как лёд, коснулся моих босых ступней, пробрался под край халата, и я вздрогнула. Крепче сжала ткань на груди, словно это могло меня защитить.

Потом дверь распахнулась полностью.

Я не сразу подняла взгляд.

Сначала увидела его сапоги. Чёрные. Начищенные до такого блеска, что в них отражались свечи — дрожащие, живые огоньки, которые казались единственными тёплыми вещами в этой комнате. На одном носке лежала тонкая полоска света из окна, острая, как лезвие ножа.

Потом край тёмного камзола. Ткань — плотная, дорогая, с тонкой вышивкой по борту, которую я не сразу разглядела. Перчатки. Чёрные. Из мягкой кожи. И руки — лежащие спокойно вдоль тела.

Слишком спокойно для комнаты, где всё было разрушено. Где мать задыхалась от паники, где отец дрожал, как лист на ветру, где я сидела с обритой головой и распухшей щекой.

Я почувствовала, как мать судорожно втянула воздух. Звук был резким, хриплым, словно она собралась умереть прямо здесь и прямо сейчас.

— Ваше сиятельство... — отец попытался улыбнуться. Уголками губ. Криво. Жалко. — Мы как раз...

Он не закончил.

Герцог вошёл в комнату.

Не дожидаясь приглашения. Не посмотрев на отца.

Просто переступил порог — медленно, уверенно, как человек, который знает, что ему принадлежат все комнаты, в которые он входит. И воздух в комнате изменился. Стал плотнее. Тяжелее. Как перед грозой, когда небо опускается так низко, что кажется — протяни руку, и коснёшься туч.

Он остановился посреди комнаты.

Глава 21

Его взгляд — зелёный, холодный, как лёд на озере зимой — скользнул по полу. По моим волосам, рассыпанным между ножками пуфика, как оброненное богатство. По ножницам, которые всё ещё лежали у стены, поблёскивая в полумраке. По матери, которая стояла с окровавленной рукой, прижатой к груди. По отцу, который не мог выдавить из себя ни слова.

Потом его взгляд остановился на мне.

Я не отвела глаз. Не потому что была храброй. Просто мне больше нечего было прятать.

— Кто?

Одно слово. Не громкое. Не резкое. Оно просто повисло в воздухе, тяжелее любого крика.

Мать всхлипнула — коротко, судорожно, словно подавилась собственным страхом.

Отец побагровел. Не от злости, нет. От того липкого, парализующего ужаса, который я видела у него лишь однажды, когда горел склад с шёлком и он понимал, что страховка не покроет и половины убытков. На его виске забилась жилка, тонкая и частая, как крыло пойманной мухи.

— Ваше сиятельство, уверяю вас, это досадная семейная... — начал он, и голос его предательски скользнул по фальшивой ноте.

— Кто? — повторил герцог.

Тише.

И от этого страшнее. Потому что в первом вопросе ещё можно было услышать хоть тень человеческого любопытства. Во втором было только требование информации, а не объяснений.

Отец открыл рот. Закрыл. Кадык дёрнулся под кожей, но звук так и не родился.

Мать шагнула вперёд, заслоняя собой пустоту между нами, словно могла своим телом, своим запахом розовой воды и пудры заполнить эту пропасть.

— Это случайность. Нелепая, ужасная случайность. Ирьяна была расстроена, Миранда тоже... Девочки поссорились... И Миранда случайно... Я повторяюсь, случайно...

Как только он услышал имя Миранда, герцог слегка изменился в лице. Мне показалось, что он на секунду замер, поймав себя на какой-то мысли.

Но это продлилось ровно долю секунды, и вот уже выражение его лица стало прежним.

Герцог продолжал посмотреть на отца и задержал на нем взгляд. Просто смотрел, и под этим взглядом отец медленно сдувался, словно из него выпускали воздух. Он становился маленьким и никчёмным, как торговец, умоляющий богатого джентльмена купить у него пару лепёшек, хотя прекрасно понимал, что эти лепёшки господину и даром не нужны.

— Я спрашиваю не о том, как вы собираетесь это назвать,

миссис и мистер Бельвиль.

Мать замолчала. Рот её остался приоткрытым, губы дрожали, но слова больше не шли. Она впервые за весь день не знала, что сказать. Впервые её тщательно выстроенные фразы, её улыбки, её интонации разбились о стену, которую невозможно было обойти лестью или слезами.

Герцог медленно перевёл взгляд на меня.

И вот теперь я всё-таки подняла глаза.

Зря.

Лучше бы не поднимала. Лучше бы осталась в том безопасном неведении, где можно было сколько угодно притворяться, что ничего не происходит. Что я просто сижу на пуфике, а не нахожусь перед человеком, который держит в руках остатки моей жизни.

Потому что его лицо было совершенно спокойным.

Ни гнева. Ни отвращения. Ни жалости. Ни того голодного интереса, с которым гости в соборе разглядывали моё мокрое платье, представляя, как завтра будут рассказывать о позоре этих “лавошников”.

Только холодное, внимательное выражение человека, который складывает факты в правильном порядке. Который видит следствие и спокойно, без эмоций, вычисляет причину.

И почему-то именно это спокойствие ударило по мне сильнее всего. Сильнее пощёчин. Сильнее смеха зала. Сильнее предательства Элерса.

Я ждала, что он передумает. Скажет: «Простите, я ошибся. Я передумал».

Ведь сегодня жених уже ошибся сестрами. Почему бы второму жениху не ошибиться и невестой? Почему бы ему не увидеть во мне то, что видели все остальные: испорченный товар, проблему, позор?

Герцог сделал ещё шаг.

Теперь он стоял совсем близко. Настолько близко, что я почувствовала запах его одежды. Не духов. Не цветов. Ничего сладкого, ничего приторного, чем пахли все мужчины в этом доме, подражая новой моде.

От него пахло холодным воздухом, дорогой тканью и чем-то горьким и пряным. Запахом старого дерева, железа и зимней ночи. Запахом чего-то настоящего.

— Леди Ирьяна, — произнёс он.

Глава 22

От собственного имени у меня дрогнули пальцы.

Не «девочка». Не «доченька». Не «бедняжка». Не «истеричка». Не «мерзавка».

Леди Ирьяна.

Так, словно всё ещё помнил, кто я. Так, словно волосы, платье, кровь, пощёчины и чужие взгляды не смогли стереть меня до конца. Так, словно я всё ещё была человеком, а не вещью, которую можно выбросить или заменить.

— Что произошло в этой комнате?

Я смотрела на него. А потом почему-то — на родителей.

Мать застыла у стены, прижав окровавленную руку к груди. Кровь уже подсохла, превратившись в тёмную корку, но она всё равно держала ладонь так, словно рана была свежей.

Отец смотрел на меня так, как смотрят на человека, который держит в руках заряженный пистолет и ещё не решил, стрелять или нет. В его глазах была мольба. Угроза. Страх. Всё смешалось в один грязный ком, и я видела этот ком ясно, как никогда раньше.

Я могла рассказать.

И всё. Комната бы рухнула окончательно. Отец бы набросился на мать. Мать бы начала кричать. Служанки бы заплакали. Начался бы новый виток хаоса, новый спектакль, в котором я снова была бы лишь декорацией.

Но она уже рухнула. Эта комната. Этот дом. Эта семья. В ней нечего было спасать.

Не было смысла называть имена, потому что имена здесь ничего не значили. Значили только поступки. А поступки моих родителей были написаны на их лицах, в их дрожащих руках, в их молчании.

Я вдруг очень ясно поняла: если я расскажу о подлости сестры, это ничего не изменит. Не вернёт мне волос. Не отменит позор у алтаря. Не сотрёт смех гостей. Не заставит отца стать отцом, а мать — матерью. Не сделает меня снова целой.

И герцог всё равно всё понял.

Он понял ещё до того, как спросил. Он увидел ножницы. Увидел прядь в руке отца. Увидел кровь на ладони матери.

Увидел мою голую голову и красную полосу на щеке. Ему не нужно было имя. Ему нужно было подтверждение. Подтверждение того, что я вижу то же, что и он.

— Это уже не имеет значения, — сказала я.

Мой голос прозвучал тихо. Сухо. Чужим голосом женщины, которая прожила этот день и почему-то ещё не умерла. Которая прошла через огонь, воду и медные трубы чужого презрения и вышла с другой стороны — другой. Не той, что входила.

Мать судорожно выдохнула. Отец тоже. Почти одновременно. Как будто я только что подписала им отсрочку. Как будто мое молчание было подарком, а не отказом играть по

их правилам.

— Я просто полагаю, — произнесла мать, решив вмешаться. — Что Миранда... эм... приревновала. Обычно она так не поступает. Но сегодня... Она... Она очень перенервничала. Столько событий, столько всего....

Герцог не шелохнулся.

Только его глаза на мгновение сузились.

— Приревновала, значит...

Я моргнула. Мне показалось, что он отвернулся, словно пытаюсь что-то скрыть. Я не знала, что там творится внутри. Может, он думает, что мы все больные? Или то, что Миранда ревнует меня к графу? Боится, что какие-то чувства в нем еще остались? И она побоялась, что я посягну на ее жениха...

Герцог смотрел на меня. Я смотрела на него.

— Ко мне или к нему? — спросил герцог.

Глава 23

Впервые за весь этот день кто-то не требовал от меня быть удобной. Не требовал немедленно переодеваться. Не требовал не позорить семью. Не требовал замолчать. Не требовал благодарить. Не требовал улыбаться. Не требовал быть красивой, послушной, тихой, правильной.

Просто ждал ответа.

И от этого почему-то стало невозможно говорить. Горло сжалось. Внутри поднялась волна — не слёз, нет. Чего-то другого. Чего-то, что я давно похоронила под слоями воспитания, послушания и чужих ожиданий. Чего-то живого.

Я отвернулась первой. Не потому что испугалась. Потому что не могла вынести этого взгляда. Взгляда, который видел меня.

— Какая разница? — прошептала я. — Вы всё равно теперь можете отказаться.

Мать тихо ахнула. Звук был таким, словно её ударили.

Отец резко шагнул ко мне.

— Ирьяна!

В этом одном слове было всё. Угроза. Мольба. Приказ. Страх. Вся его жизнь, все его надежды, все его амбиции спрессовались в эти три слога.

— Не слушайте ее, господин герцог! — пролепетала мать, сложив руки на груди. — Она все еще в ужасе от случивше-

гося. О, нервы. Вы же знаете, какие девушки нервные и впечатлительные!

— Ирьяна! Думай, что говоришь! — прокашлялся отец со всей строгостью.

Я даже не повернула головы.

Впервые в жизни их голоса ничего со мной не сделали. Они не вызвали ни страха, ни желания исправиться, ни привычной вины, ни дрожи в коленях, ни учащённого сердцебиения.

Пусто.

Как будто отец говорил не со мной. Как будто его слова предназначались кому-то другому — той девочке, которой я была вчера. Но той девочки больше не было. Она умерла у алтаря, вместе с белым платьем и верой в то, что любовь существует.

Герцог медленно повернулся к отцу.

— Ещё раз повысите на неё голос, и я сочту это личным оскорблением.

Отец побелел. Не постепенно — сразу. Кровь отлила от лица, оставив его серым, восковым, похожим на маску.

— Ваше сиятельство, я... Я просто сегодня весь на нервах и...

— Это не приглашение к разговору, — произнес герцог, а отец тут же закрыл рот, не закончив фразу.

Тишина стала такой плотной, что в ней можно было задохнуться.

Воздух казался вязким, тяжёлым, насыщенным невысказанным.

Мать сделала шаг назад и наткнулась на столик. Хрустальный графин звякнул. Вода внутри качнулась, поймала свет свечи и разбилась на дрожащие осколки. Никто не бросился его поправлять. Никто не вздрогнул. Все замерли, как мухи в янтаре.

Герцог снова посмотрел на меня.

— Я не отказываюсь.

Я не сразу поняла. Слова словно ударились о меня и упали рядом, не проникнув внутрь. Они были слишком простыми. Слишком невозможными. Слишком далёкими от той реальности, в которой я жила последние часы.

— Что?..

— Я сказал: я не отказываюсь.

Он произнёс это так просто, будто речь шла не обо мне. Не о моём распухшем лице, не о волосах на полу, не о позоре, который ещё полчаса назад был главным развлечением всего высшего света. Будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся. О чём-то, что не требует объяснений.

— Но...

Я коснулась головы.

Пальцы снова провалились в пустоту. Это движение было унижительным. Детским. Беспомощным. Привычка, которая ещё не успела умереть, хотя то, к чему она относилась, уже было уничтожено.

Я тут же опустила руку, но поздно. Герцог увидел.

— Волосы отрастут, — сказал он.

Мать всхлипнула с облегчением. Звук был влажным, счастливым, полным надежды.

— Конечно! Конечно, ваше сиятельство! Мы найдём лучшего мастера, лучший парик, лучшие зелья для роста волос, я уже отдала распоряжения!

Герцог даже не повернул головы.

— Я говорил не с вами. Почему вы постоянно встречаете в диалог? — в его голосе я услышала нотку презрения.

Глава 24

Мать замерла с открытым ртом. Слово застряло у неё в горле, не долетев до губ. Она стояла, глядя на его спину, и в её глазах было столько растерянности, сколько я не видела за всю свою жизнь.

Она не понимала. Не могла понять. Как можно говорить с девушкой, у которой нет волос, вместо того чтобы говорить с теми, кто может это исправить? Как можно обращаться к жертве, а не к виновникам? Как можно видеть человека там, где она видела только проблему?

И снова тишина.

Та самая, после которой становится слышно всё: треск свечей, чужое дыхание, далёкий гул голосов внизу, где гости всё ещё ждали новую свадьбу и, наверное, уже делали ставки, состоится ли она.

Где моя репутация уже была растоптана, где моё имя уже стало синонимом позора. Где никто не верил, что я ещё могу быть чьей-то невестой.

Герцог поднял прядь волос с пола и опустил ее на стол.

Не бросил. Положил. Аккуратно, как кладут письмо с дурной вестью. Как кладут вещь, которая имеет значение. Которая важна.

Потом снял перчатку.

Медленно. Я смотрела на его пальцы. Длинные. Сильные.

На запястье мелькнул край старого шрама — тонкий, почти незаметный, будто кто-то когда-то провёл по коже острым пером. Шрам был белым, гладким, давно зажившим. Но он был. Герцог тут же опустил рукав, и шрам исчез. Спрятался. Как и многое другое в этом человеке.

Он протянул руку.

Не к моему лицу. Не к волосам. Не к плечу, чтобы поддержать. Не к подбородку, чтобы поднять мой взгляд.

К моей руке.

Я не сразу поняла, что он ждёт. Потом медленно подняла ладонь.

Моя рука дрожала. Не от страха. От чего-то другого. От того, что я не знала, как принимать то, что мне предлагали.

Он взял её осторожно. Так осторожно, словно я была не женщиной, а тонким фарфором, треснувшим от неумелого прикосновения. Его пальцы были тёплыми. Сухими. Живыми.

И вдруг я вспомнила Элерса.

Как он разжал пальцы у алтаря. Как моя ладонь осталась висеть в воздухе. Никому не нужная. Пустая. Холодная.

Теперь мою руку держали.

Не нежно. Не ласково. Но крепко. Уверенно. Так, словно эта рука принадлежала ему. Так, словно он имел право её держать. И это право было не украдено, не выпрошено, не куплено.

— Вы можете отказаться, леди Ирьяна, — сказал герцог.

В комнате что-то оборвалось. Невидимая нить, которая держала всех нас в напряжении, в страхе, в ожидании приговора.

Мать издала звук, похожий на всхлип. Не от радости. От ужаса. От того, что ей дали выбор, а не приказ. От того, что решение принимала не она, не отец, не герцог. А я.

Отец побагровел снова.

— Ваше сиятельство! — выдохнул он. — Она не...

Глава 25

Герцог повернул голову.

Отец замолчал. Сразу. Без борьбы. Без сопротивления. Просто замолчал, потому что понял: дальше говорить нельзя. Дальше — пропасть.

— Я говорю с невестой, — произнёс герцог. — Не с её отцом. Не с её матерью. Не с домом Бельвиль. С ней.

С ней.

Эти два слова вошли в меня больше, чем пощёчины. Больше, чем вино на платье. Больше, чем смех гостей. Больше, чем предательство Элерса.

Потому что за весь сегодняшний день никто не спрашивал меня.

Хочу ли я отдать платье Миранде. Хочу ли я воды. Хочу ли я жить дальше в этом доме. Хочу ли я вообще жить.

Никто.

А теперь человек, которого я боялась больше всех в комнате, вдруг спрашивал, хочу ли я?

Я посмотрела на его руку, державшую мою. На свои пальцы в его ладони. На пол, где лежали волосы. На родителей, которые стояли, замершие, бесполезные, лишние.

Мать смотрела на меня почти с ненавистью. Не открытой — нет. Она слишком хорошо умела носить маски светской любезности. Но эта ненависть сквозила в её глазах. Я видела

в них чёткую мысль: «Только попробуй всё испортить». Эту мольбу: «Не смей». Этот страх: «Что ты наделаешь?».

Отец не скрывал ничего. Если бы я сказала «нет», а герцог сейчас отвернулся, он бы ударил меня ещё раз. Может быть, сильнее. Может быть, так, чтобы я уже не поднялась. Может быть, так, чтобы наконец-то сломать то, что ещё не сломалось.

Я снова посмотрела на герцога.

— Почему? — спросила я.

Слово вышло едва слышным. Тихим, как шелест бумаги. Как дыхание. Как последняя надежда.

Он понял.

— Почему я хочу на вас жениться?

Я кивнула.

Герцог немного помолчал. Его зелёные глаза были очень близко. Холодные. Непроницаемые. И всё же в них не было пустоты. Там что-то жило. Что-то тяжёлое. Старое. Спрятанное глубже, чем я могла увидеть. Что-то, что было старше этого дня, старше этого дома, старше моего позора.

Глава 26

— В вас я увидел то, чего нет у других. Я увидел гордость. Когда вы предпочли вылить вино себе на платье, я был поражен, — сказал он.

Я не совсем поняла, при чём тут гордость?

Кажется, это отразилось на моём лице, потому что уголок его губ чуть дрогнул. Не улыбка. Тень улыбки. Почти незаметная. Как трещина на идеально гладком камне.

— Нынче гордость — это... большая редкость. Искать ее в людях — это как искать бриллиант на грязной дороге. Честь, достоинство и гордость. Качества, которыми не обладают большинство моих знакомых, — продолжил он. Голос его был ровным, без эмоций, словно он перечислял товары на складе.

Но мне казалось, что это не главная причина. Это просто одна из причин. А главную причину он почему-то скрыл.

В обществе много гордых аристократов, которые готовы есть последние сухари ради того, чтобы похвастаться новым нарядом. Даже атакуемые кредиторами, находящиеся на грани банкротства и выселения из родового гнезда, аристократы не соглашаются на брак с такими “новыми деньгами” и “лавошниками”, дабы не портить свою фамилию и не осквернять память предков.

Чего-чего, а гордости у старых кровей всегда хватало.

Мать тихо охнула. Звук был коротким, как всхлип, который не решился стать плачем.

— Ваше сиятельство... — начала она, но голос её сорвался на полуслове.

— Я всё видел, миссис Бельвиль, — в голосе герцога слышалось раздражение. Мне казалось, что еще немного, и он выставит их из комнаты.

Мать замолкла. Навсегда, кажется. Я видела, как её рот закрылся, как губы сжались в тонкую линию, как она отвернулась, не в силах вынести его взгляд.

Герцог не сводил с меня глаз. Зелёных. Холодных. Непроницаемых, как лёд на глубоком озере зимой.

— Поэтому я повторю только один раз. Если вы не хотите этого брака, я выйду отсюда и объявлю, что передумал я. Не вы. Вас не обвинят.

Я замерла.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинцовые пули, нацеленные прямо мне в грудь. Я смотрела на него и не могла понять. Почему? Зачем? Что ему нужно?

— Мне не нужна жалость, господин герцог, — заметила я. Голос вышел хриплым, чужим. — Я не выйду за вас, если вы действуете из жалости. Я не хочу так.

— А если речь идет не о жалости, а об уважении? — произнес он.

Горло сжалось так сильно, что стало больно. Как будто кто-то сдавил его кулаком изнутри, медленно, неумолимо,

выжимая воздух, выжимая слова, выжимая всё, что я могла сказать.

Я захотела заплакать. Не от счастья. Не от благодарности. От ужаса. Потому что не понимала, что с этим делать.

С жестокостью всё было просто. Её можно ненавидеть. А это... Это было опаснее.

Это было что-то новое. Непонятное. Как дверь, которая открылась в стене, где раньше не было двери. Ты можешь войти. Но что за ней? Комната? Пропась? Ловушка?

Миранда сказала: «Ты многого о нём не знаешь».

И я действительно не знала. Только что я осознала, что я ничего не знаю об этом человеке.

Не знала, почему он выбрал меня. Не знала, что ему нужно. Не знала, какую цену потребует его спокойствие потом, за закрытыми дверями, когда гости разъедутся, свечи догорят, а я останусь с ним наедине.

Но я знала другое. Если он сейчас уйдёт, я останусь здесь, в этом доме.

С отцом, который бил меня при всех. С матерью, которая спасала платье. С сестрой, которая остригла меня и улыбнулась так, словно уже видела моё будущее в грязи.

Я посмотрела на них. На мать, которая стояла у стены, прижав окровавленную руку к груди, и не смотрела на меня. На отца, который не сводил глаз с герцога, как загипнотизированный, и в его взгляде был только страх — не за меня, за себя. За свои корабли, мануфактуры. За свои деньги. За

свою мечту, которая сейчас висела на волоске. Одно слово герцога, и вся эта маленькая империя рухнет.

И вдруг выбор стал очень простым.

Глава 27

Не хорошим. Не счастливым. Простым.

— Я согласна, — сказала я.

Голос вышел тихим. Твёрдым. Таким, каким я никогда не говорила. Не плачущим. Не умоляющим. Не извиняющимся. Просто — согласным.

Мать закрыла лицо ладонями. Я не видела её лица, но знала: она плачет. Не от радости. От облегчения. От того, что кошмар закончился. Что сделка состоится. Что она и деньги в безопасности.

Отец выдохнул так громко, будто до этого не дышал несколько минут. Звук был хриплым, прерывистым, как у человека, которого только что сняли с петли.

Герцог посмотрел на мою руку. На свои пальцы, которые я сжимала. Потом на меня.

— Тогда встаньте.

Я попыталась.

Колени предали сразу. Как будто кто-то перерезал нити, которые держали меня, и я начала падать — медленно, неумолимо, как кукла, у которой сломался механизм.

Комната качнулась. Свечи вытянулись в длинные золотые нити, которые плыли, кружились, сливались в одно огромное, слепящее пятно.

Пол поплыл к лицу — холодный, твёрдый, неизбежный.

Я успела только подумать, что падать сегодня стало привычкой. Что я падаю уже весь день. У алтаря. На колени перед отцом. На пол, когда он тащил меня прочь. И вот теперь — снова.

Но не упала.

Герцог подхватил меня. Быстро. Одной рукой за талию, другой — под локоть. Движение было точным, уверенным, как у человека, который привык ловить падающих женщин. Не прижал к себе. Не сделал из этого красивой сцены. Просто не дал мне рухнуть.

Его рука на моей талии была твёрдой. Я чувствовала сквозь ткань халата тепло его ладони, силу его пальцев. Он держал меня не нежно. Не ласково. Но крепко.

— Она слаба, — торопливо сказала мать. Голос её был высоким, нервным, как у человека, который боится, что его не слушают. — Нервы, ваше сиятельство, только нервы. Сейчас мы дадим ей нюхательной соли, чаю, сладкого...

Она сделала шаг вперёд, протягивая руку — маленькую, белую, с длинными ногтями, выкрашенными в бледно-розовый. В пальцах она сжимала флакон — хрустальный, с серебряной пробкой, украшенной крошечным рубином.

— Вы дадите ей тишину. Это лучшее, что вы можете ей дать.

Мать застыла. Флакон качнулся, блеснул на свету, и я увидела, как её пальцы сжались вокруг него так сильно, что костяшки побелели.

Герцог не посмотрел на неё. Он смотрел на меня. Помог мне выпрямиться. Его рука всё ещё поддерживала меня под локоть — осторожно, но твёрдо.

— Платье готово? — спросил он.

Отец закивал слишком быстро. Движение было судорожным, как у человека, который боится, что если перестанет кивать, то всё исчезнет.

— Да. Почти. То есть... да, ваше сиятельство. Пятно почти не видно. Мы...

— Принесите.

Отец рванулся к двери, но герцог не отпустил мой локоть. Он смотрел на мать.

— Но причёска... — прошептала она. Голос её был тонким, как нить, которая вот-вот оборвётся.

Герцог посмотрел на неё. Медленно. Спокойно.

— Что причёска?

Она сглотнула, её горло сжалось, как она попыталась найти слова, как они застряли у неё во рту, не желая выходить наружу.

— Невеста... не может выйти... в таком виде... Я имею в виду причёску... Парик уже вот-вот привезут!

Герцог медленно перевёл взгляд на меня.

Я почувствовала, как всё внутри сжалось. Как будто кто-то сжал мой желудок кулаком, медленно, неумолимо, выжимая из меня воздух, выжимая надежду, выжимая всё, что я могла чувствовать.

Я приготовилась. Приготовилась к словам, которые ранят сильнее пощёчин. К взгляду, который уничтожит то, что ещё оставалось от меня. К приказу, который я выполняю, потому что у меня не будет выбора.

— Леди Ирьяна, — произнёс он. — Вы хотите, чтобы вам принесли парик? Или пойдёте так? Мне без разницы. Это решение я оставляю за вами.

Глава 28

Я посмотрела на него.

На его зелёные глаза — холодные, спокойные, непроницаемые. На его руку, которая всё ещё держала меня под локоть.

— Парик, — кивнула я. — На сегодня унижений достаточно. Я бы не хотела, чтобы вам потом вспоминали, на ком вы женились.

— Хорошо. Я готов подождать. Когда его должны привезти?

— С минуты на минуту! — произнес отец, доставая часы из нагрудного кармана. — Я уверен, он уже в пути...

— Пока можно надеть платье, — повторил герцог, уже не повышая голоса.

Служанки сорвались с места. Комната снова ожила, но уже иначе. Не с той прежней суетой, где меня крутили, как манекен, спасая ткань. Теперь все двигались тихо и осторожно, словно под роскошным платьем наконец-то увидели меня.

Мать сделала шаг вперёд — инстинктивный, привычный, тот самый, которым она всегда контролировала процесс. Но герцог даже не повернул головы.

— Нет.

Одно слово. Тихое. Но мать остановилась, словно наткнулась на стену.

— Но я должна помочь дочери... — начала она, и голос её дрогнул на середине фразы.

— Сегодня вы уже достаточно помогали.

Он не повысил голос. Не посмотрел на неё. Просто произнёс это — спокойно, почти буднично. Но мать побледнела так, что я увидела, как под кожей проступили голубые прожилки на висках. Она открыла рот. Закрыла.

Отец дёрнулся, словно хотел возразить, но тут же осёкся. Я видела, как его челюсть сжалась, как желваки надулись под кожей — он боролся с собой, с привычкой командовать, с яростью, которая поднималась из живота, как тошнота. Но он промолчал. Потому что впервые за всю свою жизнь понял: здесь, в этой комнате, его власть кончилась.

Лидия подошла первой.

Та самая служанка, которая плакала у стены, зажав рот рукавом. Её лицо было мокрым, глаза красными, но она не вытирала слёзы — боялась, что движение выдаст её.

Её руки дрожали, когда она подняла платье. Очищенное. Почти белое. Если не знать, куда смотреть, пятно действительно было незаметно.

— Барышня... — прошептала Лидия. Голос её был хриплым, надломленным, как у человека, который долго плакал и теперь не мог говорить нормально.

Она помогла мне надеть платье. Тихо. Почти нежно. Её пальцы касались моей кожи — тёплые, шершавые от работы, пахнущие мылом и крахмалом — и я почувствовала, как

внутри меня что-то сжалось.

Не от боли. От чего-то другого. От того, что впервые за весь день кто-то прикасался ко мне не для того, чтобы спасти ткань, не для того, чтобы продать меня дороже, а просто — чтобы помочь.

Я стояла, держась за спинку стула, пока она застёгивала пуговицы. Одна за другой. Маленькие, перламутровые, холодные под её пальцами. Корсет снова сомкнулся на рёбрах — туго, привычно. Атлас лёг на тело холодной, знакомой тяжестью. Ткань холодила кожу, но я не чувствовала дискомфорта. Я чувствовала только, как платье обнимает меня, как оно ложится на плечи, на грудь, на бёдра — как будто оно помнило моё тело, даже если я уже не помнила себя.

Свадебное платье вернулось ко мне.

Но я уже не была той восторженной девушкой, полной грёз о будущем счастье, для которой его шили.

Мать смотрела на меня так, будто я была дорогой вазой, которую уронили, склеили наспех и теперь надеялись продать как целую. Её глаза бегали по мне — оценивающе, лихорадочно, ища трещины, которые можно скрыть, изъяны, которые можно замаскировать. Но она не видела, что трещины не на поверхности. Они внутри.

Отец всё время косился на герцога. Я видела это краем глаза — как он поворачивает голову, как смотрит на него, как тут же отводит взгляд, словно боясь, что герцог заметит.

Отец не понимал, что делать с этим мужчиной. Как с ним

говорить. Как себя вести. Он привык иметь дело с теми, кто ниже его по статусу, или с теми, кто любит его деньги. А герцог был выше. Намного выше.

Герцог стоял у окна. Спинной ко всем. Руки его были сложены за спиной — спокойно, уверенно, как у человека, который не спешит, потому что знает: время работает на него. Свет из окна падал на его плечи, на тёмную ткань камзола, на тёмную прядь, которая выбилась из причёски и упала на воротник. Он не смотрел на меня. Не смотрел на родителей. Не смотрел ни на кого. Как будто давал мне хотя бы подобие достоинства в комнате, где его у меня забрали по кускам.

Когда Лидия закончила, она отступила на шаг и тихо сказала:

— Готово.

Голос её был таким тихим, что я едва расслышала. Но в этом тихом голосе было что-то — не жалость, нет. Что-то похожее на уважение. На признание. На то, что она видела, через что я прошла, и понимала, что я всё ещё стою.

Я посмотрела в зеркало.

На меня смотрела незнакомка.

В белом свадебном платье — том самом, которое шили три месяца, которое стоило состояния, которое должно было сделать меня графиней Эмери. С распухшей щекой — красной, горячей, всё ещё пульсирующей от пощёчин. Без прежней жизни — той, которая кончилась у алтаря, когда жених разжал пальцы.

И всё же...

Я почему-то не выглядела смешной.

Сломанной — да. Уставшей — да. Испуганной — да. Но не смешной. Не жалкой. Не той, над кем смеются.

— Нужно припудрить ее щеку! И... нужно раздобыть вуаль... — занервничала мама.

Я стояла в платье, которое должно было сделать меня счастливой, и была несчастна.

Глава 29

И в этом несчастье было что-то другое. Что-то, чего я не могла назвать. Как будто всё, что у меня отняли, оставило после себя не пустоту, а что-то твёрдое. Что-то, на что можно опереться.

Герцог обернулся.

Медленно. Спокойно. Его взгляд прошёл по мне — не быстро, не поверхностно. Не ища изъян, который можно будет обсудить за чаем. Он смотрел так, как смотрят на человека, которого хотят понять. Как смотрят на книгу, которую собираются читать внимательно, страницу за страницей.

И в этом взгляде было что-то, от чего у меня по коже побежали мурашки — не от страха, нет. От чего-то другого. От осознания, что этот человек видит меня. Не платье. Не волосы. Не щёку. Меня. Ту, которая стоит внутри всего этого.

Послышался топот в коридоре, и в комнату влетел слуга, вручая коробку.

— Парик... Еле достал! — произнес он, задыхаясь. Но никто его стараний не оценил. Все тут же о нем забыли, извлекая из коробки готовую прическу. Цвет волос был не мой. У меня они были желтее. Эти волосы казались более пепельными. Но мои волосы тут же зачесали, нахлобучивая на голову чужие.

— О, великолепно! — расцвела мама. — Никто ничего не

заподозрит.

— Пойдёмте, леди Ирьяна.

Голос герцога был ровным. Спокойным. Таким же, как в зале, когда он сказал, что готов жениться на мне. Но теперь, когда он произносил моё имя, в нём было что-то другое. Что-то, чего я не могла разгадать.

Я сделала шаг.

Платье зашевелилось вокруг меня — тяжёлое, холодное, живое. Пол не качнулся. Или я просто уже не боялась упасть. Или потому что его рука была рядом — не держала меня, но была готова удержать, если нужно.

Отец рванулся вперёд — резко, порывисто, как человек, который видит, что упускает контроль.

— Ваше сиятельство, позвольте, я провожу дочь к алтарю...

Герцог даже не остановился. Не повернул головы. Просто произнёс:

— Нет.

— Но по обычаю... — отец попытался возразить, и голос его сорвался на фальцет.

— Сегодня в этом доме уже достаточно обычаев нарушили, мистер Бельвиль.

Отец осёкся. Рот его остался приоткрытым, но слова не вышли. Я видела, как его лицо покраснело — не от злости, от унижения. От осознания, что его только что публично поставили на место. Что его власть — та самая, которой он гордил-

ся, которой пугал слуг, которой командовал нами — здесь, в присутствии этого человека, не стоила ничего.

Герцог протянул мне руку.

Ладонь вверх. Пальцы раскрыты. Не хватая — предлагая. На этот раз я вложила в неё пальцы сама.

Не потому что должна была. Не потому что боялась. А потому что захотела.

Его пальцы сомкнулись вокруг моих — крепко, но не больно. Тёплые. Сухие. Твердые.

Мы вышли из комнаты.

В коридоре было холоднее. Тише. Дальше, за стенами, всё ещё гудел зал — приглушённый, далёкий, как шум моря, которое ты слышишь из закрытой комнаты.

Гости ждали зрелища. Предвкушали его.

Мы шли медленно.

Я — потому что ноги всё ещё дрожали. Не от слабости. От того, что тело не успевало за разумом. Разум уже принял решение. Тело ещё помнило страх.

Герцог — потому что подстраивался под мой шаг. Не ускорялся. Не замедлялся. Просто шёл рядом, подстраиваясь, как будто мой шаг был для него важнее, чем его собственный.

Несколько раз мне казалось, что я сейчас споткнусь о подол — тяжёлый, длинный, цепляющийся за каждую неровность пола. Но его рука каждый раз чуть крепче удерживала мою, возвращая равновесие раньше, чем я успевала потерять

его окончательно.

Мы прошли мимо дверей, за которыми суеились слуги. Мимо комнаты, где Миранда сидела перед зеркалом, примеряя мою фату. Мимо зала, где гости допивали вино, обсуждая мой позор. Мимо лестницы, которая вела вниз, в холл, где нас ждали экипажи.

У самой лестницы он вдруг остановился. Я сначала не поняла, а потом увидела Элерса и Миранду.

Глава 30

Одно мгновение, и мне показалось, что Элерс почувствовал взгляд, резко повернув голову к герцогу. На лице моего бывшего жениха было такое превосходство, словно он только что заработал миллион, просто щелкнув пальцами.

Я перевела взгляд на герцога, который смотрел на Элерса так, словно готов удавить его на месте. Рядом с Элерсом кружилась Миранда в белоснежном свадебном платье, которое она постоянно поправляла.

На мгновение она замерла, скользнув по нам взглядом, а потом прижалась к Элерсу так, словно всю жизнь его искала. Я не понимала. Неужели она ревнует его ко мне? Неужели ради этого она остригла мои волосы?

Мы спустились в зал. Гости делали вид, что никакой грязной сцены не было.

Они были в хорошем настроении, радостно приветствуя нас аплодисментами. Я знала, что сейчас каждый из них прокручивает в голове мое унижение. Никто его не забыл. Просто все делают вид, что ничего не случилось.

Огромный церемониальный зал Бельвилей видел не одну свадьбу. Под высокими сводами клялись в верности десятки женщин.

Все дело в том, что Бельвиль — это не наша родовая фамилия. Наша фамилия звучала проще.

Смитт.

Но разве можно с такой фамилией в высшее общество? Конечно же нет. Поэтому особняк приобретался вместе с фамилией Бельвиль у последних потомков рода, которым было уже все равно, кто приписал себя к их генеалогическому древу.

Здесь отец называл маму своей женой. Но сегодня этот зал решил запомнить меня совсем по другой причине.

Портреты предков смотрели на меня со стен. Я знала, что половина из них — совершенно чужие люди. Отец записал их в нашу родню для солидности, покупая тень внебрачного благородного происхождения.

Казалось, они тоже стали свидетелями моего сегодняшнего позора.

И тут я заметила, как Миранда смотрит на герцога. Она была уверена, что я не замечаю ее взгляда. Она словно что-то ждала...

Глава 31

«Может, она испугалась возмездия? За остриженные волосы?» — промелькнула мысль. И она меня успокоила.

Не успела я одернуть платье, как зал наполнился звуком.

Скрипки поднялись первыми — тягучие, низкие, словно кто-то медленно протягивал струну через самый воздух. За ними вступили трубы, глухо и ровно. Стеклянная гармоника добавила глубину, и гул прошел по полу, отозвавшись в костях, в висках, в груди.

Музыка звучала так, будто должна была что-то исправить. Сделать этот день правильным. Убрать вино с атласа, скрыть синяки на плечах, вернуть на место обритые пряди.

Но она лишь отмечала начало. Только я еще не знала, начало чего?

Я поняла это, когда сделала первый шаг.

Замуж. Не завтра. Не через месяц. Не после писем, осторожных взглядов и прогулок по саду под надзором служанок и родителей. Сейчас. Под сводами, где несколько часов назад смеялись надо мной. Мне снова предстоит пройти по мрамору, на который я упала на колени, к алтарю, где меня позорно бросил другой мужчина.

Только сейчас я осознала, что выхожу замуж за человека, которого не знала.

Я пыталась удержать в голове его титул. Герцог. Ваше си-

ительство. Арундел. Но настоящее имя — то, которым жена должна была бы окликать мужа в пустом коридоре, мысленно, без страха — ускользнуло. Словно его никогда не производили в моём присутствии.

Эта мысль кольнула где-то под рёбрами чувством тотальной неправильности происходящего.

Нет, так быть не должно. Всё не так. Всё неправильно!

Пальцы герцога сомкнулись вокруг моих. Не сжимая. Не отпуская. Просто фиксируя. Его кожа была сухой, тёплой, шершавой у основания большого пальца — будто он привык держать не перчатки, а меч, или поводья, или что-то, что может вырваться.

Моё запястье дрогнуло. Тело сопротивлялось раньше, чем разум успел сформулировать мысль.

Почему я согласилась?

Ответ пришёл плоский. Без прикрас.

Потому что выбора не было. Потому что это — мой единственный шанс вырваться из этого удушливого дома, в котором торгаши строят из себя аристократию и мечтают локтями, деньгами и по головам пробиться в высший свет.

Я вдохнула. Воздух пах смесью духов, жаркого и розами, которыми осыпали дорожку. А потом с трудом заставила ноги двигаться.

Лепестки падали на плечи. Цеплялись за парик. Скользили по подолу. Кто-то в толпе улыбался так широко, что было видно десны. Кто-то аплодировал с чрезмерным усерди-

ем. Кто-то отводил глаза, делая вид, что не помнит недавнего смеха.

Все помнили. Просто рядом шёл герцог, и высший свет мгновенно вспомнил, как держать лицо перед его супругой. А портить отношения с таким могущественным и влиятельным человеком не хотелось никому.

Я подняла взгляд.

У алтаря уже ждали.

Мира и Элерс.

Платье сестры было безупречным. Белым. Лёгким. Но оно смотрелось не так изысканно, как мое. Кажется, его даже взяли с витрины. Я помню что-то похожее, когда проезжала мимо на примерку своего.

Мира улыбалась гостям, словно королева вечера.

Уголки губ дрожали. Едва заметно. Но я видела. Интересно, она расстроилась из-за платья? Или дело вовсе не в платье?

Элерс стоял рядом. Его ладонь лежала на её руке в кружевной перчатке. Он поглаживал тыльную сторону руки невесты с какой-то особой нежностью. Демонстративно. Так, чтобы каждый в зале видел: вот она. Моя. Я забрал её. Я выиграл.

Мира не смотрела на него. Казалось, она потеряла интерес к Элерсу, но тот этого так и не заметил.

Она почему-то смотрела только на герцога.

Глава 32

Не тайком. Не украдкой. Прямо. С тем странным, почти физическим напряжением, с которым ждут удара. Или знака.

«Она завидует?» — пронеслось в голове. — «Или сожалеет, что ей достался всего лишь граф?»

Все это напоминало старую добрую сказку про двух сестер, где той, которую обидели, достался в мужья принц. А та, которая обижала, возненавидела весь мир. И это сходство со сказкой меня пугало.

Что-то здесь было не так. Я это чувствовала.

Жрец поднял руки.

Музыка стала постепенно затихать. Зал замер.

Я перевела взгляд на отца. Он стоял в третьем ряду, выпрямившись так, будто позвоночник вот-вот хрустнет. Улыбка застыла на лице, превратившись в маску. Мать рядом с ним сжимала платок до посинения костяшек. Её губы шевелились в беззвучной молитве. Титулам, которые получают их дочери.

— Граф Элэрс Эмери, — голос жреца эхом отразился от свода, — согласны ли вы взять в законные жёны леди Миранду Бельвиль? Быть ей супругом, защитником и опорой перед богами, родом и короной?

В прошлый раз этот вопрос стал роковым. В прошлый раз Элэрс отпустил мою руку. В прошлый раз Элэрс посмотрел

не на меня, а на мою сестру, которая стояла неподалеку рядом с матерью.

Элерс ответил мгновенно:

— Да.

Без тени сомнения. С той лёгкостью, с какой соглашаются на сделку, где все условия уже прописаны.

Мне вдруг стало больно от этой решимости. Больно от этой спешки. Я не знала, что я чувствую к этому человеку. Еще несколько часов назад знала, а сейчас нет.

Элерс усмехнулся. Коротко. Уголок губ дёрнулся вверх. Его взгляд скользнул по нам, задержался на герцоге, на наших сплетённых пальцах, и в этой задержке читалось чистое, незамутнённое торжество.

Мне стало холодно. Не от сквозняка. От странного чувства, словно все вокруг что-то знают, но не говорят вслух.

Жрец обернулся к Мире.

— Согласна ли ты, леди Миранда Бельвиль, взять в законные мужья графа Элерса Эмери? Быть ему супругой, хранить верность перед богами, родом и короной?

Молчание.

Сначала оно казалось естественным. Невеста смущена. День тяжёлый. Дыхание сбилось. По правилам невеста не должна отвечать сразу, чтобы показать смущение и скромность.

Но эта пауза все еще тянулась. Она становилась густой.

Элерс пальцы на её руке чуть сжались. Костяшки побеле-

ли под кружевом.

— Мира? — шевельнулись его губы. Едва слышно.

Глава 33

Она не ответила, словно ей было плевать на то, что ей говорят.

Её взгляд всё ещё был прикован к герцогу. Не отрываясь. Не моргая. Словно она ждала, что он сделает шаг вперёд. Скажет слово. Поднимет руку.

«Она что? Ждет, что он тоже откажется от меня?» — пронеслось в голове. — «Неужели она думает, что герцог передумает?»

Я посмотрела на жениха.

Герцог стоял неподвижно. Его дыхание было ровным. Взгляд направлен вперёд. Я уже успокоилась, как вдруг заметила его мимолетный взгляд на Миру.

Потом он медленно, едва заметно, отвёл глаза. В сторону. Словно отказываясь от того, что от него ждали.

И только тогда Мира выдохнула:

— Да.

Слово упало тяжело. Без эха. Без радости. С ноткой обречённого раздражения. Сестра тут же нахмурилась, погружаясь в свои мысли.

Жрец склонил голову. Гости зашептались, но тут же оборвали звук. Любопытство в присутствии герцога превращалось в опасную вещь.

Элерс наклонился к Мире. Прошептал что-то на ухо. Она

кивнула, улыбнулась, но я видела, как её пальцы впились в стебли букета. Видела, как один лепесток дрогнул, оторвался и медленно, почти лениво, упал на мрамор.

Жрец повязал их запястья белой лентой. Произнёс слова о союзе, чести и благородстве. О верности. О доме.

Я слушала и чувствовала, как внутри поднимается горькая, колючая волна.

Честь. В зале, где меня тащили за волосы, а Элерс предпочёл быть просто зрителем. Он ведь мог вмешаться, мог остановить отца. И отец бы тут же поджал хвост перед графом. Или хотя бы сделал вид. Но Элерс стоял и смотрел на мои унижения, словно его это не касалось. Словно не его слова разрушили мою жизнь.

Жрец говорил о верности. Верность? После того, как жених сменил невесту за мгновение до клятвы. Мне кажется, что это слово не знакомо Элерсу.

Только сейчас я поняла, что судьба уберегла меня от человека, который никогда бы не стал хорошим мужем. И от этой мысли мне стало легче дышать. Наверное, нужно было поблагодарить её, но я пока не была готова к благодарности.

— Перед богами, родом и короной, — жрец повысил голос, — объявляю вас мужем и женой.

Аплодисменты грянули. Резкие. Громкие. Слишком поспешные. Среди них путались слова поздравлений, обрывки пожеланий и смех.

Элерс повернулся к Мире, намереваясь её поцеловать. Он

приподнял её вуаль, но немного замешкался, словно замечая, что невеста не смотрит на него.

Глава 34

Сестра снова смотрела на герцога. Как только герцог повернулся в их сторону, Мира словно очнулась и сама потянулась к Элерсу, вызвав бурные овации в зале.

Меня передёрнуло. Не от ревности. От понимания, что я стою в центре игры, правил которой не знаю.

Жрец повернулся к нам.

Музыка почти стихла.

В зале повисла тишина. Та самая, в которой слышно, как бьётся пульс в ушах. Как шуршит ткань. Как кто-то на галёрке сдерживает кашель, боясь что-то пропустить.

Герцог чуть наклонил голову.

— Леди Ирьяна, — сказал он.

Голос был низким. Ровным. Без бархата. Без угрозы. Просто звук, который достиг меня через всю эту толпу, сквозь тихий шёпот гостей, сквозь едва играющую музыку, сквозь всё.

Я вздрогнула и подняла глаза.

Герцог смотрел на меня. В его взгляде не было обещаний. Не было нежности. Не было того, что рисуют в книгах для девочек. Но там не было и брезгливости. Не было оценки. Не было желания подчинить.

После всего, что я пережила сегодня, этого хватило, чтобы горло сжалось.

— Вы всё ещё можете передумать, — произнёс он. Так тихо, что слова коснулись только меня.

Мир вокруг замер.

Почему он постоянно спрашивает, передумаю ли я или нет? Почему он постоянно дает мне выбор?

Я оглянулась.

Отец улыбался так, будто мышцы лица вот-вот разорвутся. Мать прижимала платок к губам, её глаза молили о тишине.

Мира стояла рядом с Элерсом, но её поза выдавала напряжение. Элерс смотрел на меня с той же самодовольной усмешкой, с какой принял клятву.

Если я скажу «нет», меня вернут. После нового скандала, новой пощёчины, нового унижения. Но вернут. В эти стены. К этим людям. К этой тишине, в которой я задыхаюсь. В которой я больше не смогу жить.

Я снова посмотрела на герцога.

— Нет, — сказала я.

Он едва заметно нахмурился. Брови сошлись. На долю секунды.

“Что ты за человек, герцог?”, - подумала я, глядя на его красивое лицо.

Я поняла ошибку. Выпрямилась спину. Чувствуя, как тяжёлый корсет врежется в рёбра, но не сгибаясь.

— Я не передумала.

Слова прозвучали тихо. Но в этой тишине они разнеслись,

как удар колокола. “У меня просто уже нет выбора...”, - мысленно добавила я, хмурясь от этой мысли.

Жрец поднял руки.

— Герцог Олвинд Арундел, согласны ли вы взять в законные жёны леди Ирьяну Бельвиль? Быть ей супругом, защитником и опорой перед богами, родом и короной?

Олвинд.

Имя легло в память тяжело. Олвинд Арундел. Муж. Человек, о котором я не знала ничего, кроме того, что он пришёл, когда все отвернулись. Что он богат, влиятелен и дракон. Это все, что я знала о нем.

Олвинд не отвёл взгляда от жреца.

Глава 35

— Да.

Одно слово.

Без пафоса, без паузы, без спешки.

И от этой ровности внутри что-то дёрнулось. Не от надежды. От осознания, что я только что связала свою жизнь с незнакомцем.

Жрец повернулся ко мне.

— Леди Ирьяна Бельвиль, согласны ли вы взять в законные мужья герцога Олвинда Арундела? Быть ему супругой, хранить верность перед богами, родом и короной?

Я опустила взгляд.

На его пальцы, сомкнутые вокруг моих. На тёмную ткань его рукава, где застрял красный лепесток. На свою перчатку, у основания ладони которой темнело маленькое, почти засохшее пятно крови от шипа.

Сегодня меня уже вели к алтарю. Сегодня меня уже спрашивали. Сегодня один мужчина разжал пальцы и позволил моей руке упасть в пустоту.

Этот — держал.

Я вдохнула.

— Да.

Голос не дрогнул. И это удивило меня больше всего.

Жрец протянул вторую ленту.

Не белую.

Золотую.

Тяжёлую. Ткань блестела, как жидкий металл. Я не сразу вспомнила, почему зал снова затих. Потом дошло. Герцогский род. Древние устои. Другие цвета. Другие законы.

Лента коснулась кожи. Пальцы герцога едва заметно напружились.

Жрец обвил ткань вокруг наших запястий. Один виток. Второй. Третий. Узел лёг туго, но не перетягивая.

— Перед богами, родом и короной, — голос жреца стал ниже, торжественнее, уходя в эхо, — объявляю вас мужем и женой.

Аплодисментов не последовало сразу.

Сначала была тишина. Густая. Осознающая. Люди смотрели на нас, пытались понять, что только что произошло.

Но потом зал ожил. Хлопки посыпались со всех сторон. Громкие. Запоздалые. Слишком рьяные, чтобы быть искренними.

Я стояла рядом с Олвиндом Арунделом и смотрела на алтарь.

Я больше не была невестой, которую бросили.

Я стала герцогиней.

Дом, из которого я так отчаянно хотела сбежать, остался позади. А впереди меня ждал человек, имя которого я запомнила только что.

Несколько часов назад я даже не знала о существовании

этого человека.

Теперь я носила его фамилию.

Глава 36

Поздравления обрушились на нас волной — густой, тёплой, пахнувшей дорогими духами и вином.

Я стояла рядом с герцогом и чувствовала, как все взгляды снова устремляются ко мне. Те самые, что ещё час назад раздевали меня у алтаря. Теперь в них не было голода. Теперь в них было что-то другое. Липкое, медовое, приторное.

— Ваше сиятельство... Какая честь...

— Герцогиня... Позвольте поздравить...

— Какая прекрасная пара...

Герцогиня.

Слово проходило сквозь меня, не задевая. Словно кто-то произносил его не в этом зале, не обо мне. Где-то далеко жила девушка по имени Ирьяна Бельвиль — и у неё не дрожали колени, не горели щёки, не зудела кожа головы под чужими волосами.

Я слушала эти голоса и думала о том, как странно устроен мир. Ещё утром эти люди не знали моего имени. Теперь они знали его наизусть.

Громче всех поздравляли родители.

Отец расправил плечи так, будто за ночь вырос на полголовы. Его камзол, который утром казался мне безупречным, теперь выглядел слишком дорого, вычурно, вульгарно на фоне окружающих. Но он этого не замечал. Он стоял, раскинув

руки, принимая поклоны, как принимают дань.

— Благодарю, благодарю... Да, мы всегда знали, что Ирья-не уготована особая судьба...

Особая судьба.

Я посмотрела на него. На его улыбку — широкую, блестящую, тренированную. На его глаза, в которых не было ни капли тепла. Он не смотрел на меня. Он смотрел сквозь меня — на лордов, на графов, на тех, кто вчера ещё называл его «мистер Бельвиль» с той особой интонацией, которой называют людей, чьи деньги нужны, но чьё происхождение вызывает лёгкую брезгливость.

Сегодня его звали Ричард.

Просто Ричард.

И он пил это имя, как пьют старое вино — медленно, смакуя, боясь пролить хоть каплю.

Мать стояла рядом. Она прижимала платок к губам, и по её щекам текли слёзы. Но она плакала о себе — о женщине, которая двадцать лет ползла к этому дню, терпела насмешки, глотала обиды, улыбалась тем, кого ненавидела, и кормила их пирожными. И вот — её дочь выходит за герцога. Её дочь.

Она заслужила эти слёзы. Она их заработала.

Я стояла в двух шагах от неё и чувствовала, как между нами вырастает что-то огромное, невидимое, непреодолимое. Не стена. Пропась. И я уже не помнила, когда она появилась — сегодня утром, у алтаря, или раньше — когда я в первый раз услышала, как она шепчет отцу: «Нам нужна древ-

няя кровь».

Герцог молчал рядом.

Он принимал поклоны коротким наклоном головы — ровно настолько, чтобы не оскорбить, но и не возвысить. Его рука не отпускала мою. Пальцы лежали на моей ладони спокойно, уверенно, как лежат на рукояти меча, когда враг уже повержен, но привычка ещё не ушла.

Потом он чуть повернулся ко мне.

— Пора.

Одно слово. Тихое. Но в нём было столько силы, что гости вокруг расступились сами — не потому что услышали, а потому что почувствовали.

Меня повели через зал.

Мимо белых цветов, которые к этому часу уже начали терять лепестки. Мимо алтаря, где моя жизнь успела закончиться дважды. Мимо портретов чужих предков, которые смотрели на меня с аристократическим презрением и брезгливостью.

Мать бросилась было следом.

— Ирьяночка, доченька, ты ведь напишешь? Ты обязательно...

Герцог остановился.

Не резко. Не оборачиваясь. Просто перестал двигаться — и этого хватило, чтобы мать замерла на полуслове.

— Леди Арундел устала, — произнёс он, не повышая голоса.

Леди Арундел.

Я вздрогнула. Не от имени. От того, как оно прозвучало — как печать, приложенная к документу.

Мать побледнела. Но тут же улыбнулась — той самой улыбкой, которую я видела у неё сотни раз: когда нужно было скрыть досаду, когда гость оказывался важнее, чем казалось, когда цена товара вдруг оказывалась выше ожидаемой.

— Разумеется... Конечно... Ей нужно отдохнуть... Милая так устала за сегодня... Но я всегда говорила, что всё, что ни делается, делается к лучшему!

Отец поклонился.

Сначала герцогу. Глубоко, низко, почти до пояса.

Потом — мне.

Мне.

— Доченька, — произнёс он. — Мы гордимся тобой.

Я смотрела на него и не могла найти слов.

— А у меня все еще болят щеки от вашей гордости, — произнесла я, видя, как отец побледнел.

Глава 37

— Компрессики! Обязательно! — крикнула мама вдогонку. — Я могу прислать хороший рецепт! Только напиши!

Герцог повёл меня дальше.

У входа ждала карета.

Чёрная. Лакированная. На дверце — герб: дракон, обвивающий башню. Он смотрел на мир из-под железных век с таким спокойным превосходством, словно весь этот день, этот дом, этот скандал — всё было лишь мелкой рябью на поверхности воды, до которой ему нет дела.

Кучер поклонился. Лакей распахнул дверцу, и изнутри пахло тёплой кожей, дорогой тканью и чем-то ещё — едва уловимым запахом, который я не сразу смогла назвать. Позже я поняла, что это запах самого герцога — холодный воздух, железо и старинный кабинет.

Герцог первым подал мне руку.

Я оперлась на неё, поднимаясь по ступеньке. Платье цеплялось за край подола, тянуло вниз, будто сам дом Бельвилей не хотел меня отпускать — не из любви, а из упрямства.

Герцог наклонился. Освободил край юбки. Просто. Без слова. Без раздражения.

Потом помог мне сесть.

Я опустилась на мягкое сиденье — и только тогда поняла, насколько устала. Тело казалось чужим. Руки лежали на ко-

лениях, как забытые кем-то перчатки. Спина ныла от корсета. Щёки горели — та, что была избита, особенно. Под париком кожа зудела, словно живые волосы пытались пробиться сквозь чужую ткань и вернуться на своё место.

Герцог сел напротив.

Дверца закрылась. Снаружи ещё доносились голоса — последние поздравления, прощальные вздохи, смех, который теперь уже ничто не сдерживало.

Карета тронулась.

Колёса мягко застучали по мостовой. Звук был глухим, ритмичным, почти усыпляющим. «Я хочу побыстрее закончить этот день! Я хочу побыстрее уехать отсюда! Куда угодно. Хоть на край света!» — поймала я себя на мысли.

Я смотрела на герцога и не знала, что сказать.

Спасибо?

За что? За то, что женился? За то, что вывел из этого дома? За то, что теперь я еду неизвестно куда с мужчиной, которого впервые увидела несколько часов назад? И что впереди брачная ночь с незнакомцем?

Я опустила взгляд. Мне нечего было сказать.

Герцог молчал.

Не пытался утешить. Не задавал вопросов. Не требовал благодарности. Просто сидел напротив — спокойный, чужой, в тёмном камзоле, на рукаве которого всё ещё держался один красный лепесток.

Мне почему-то хотелось стряхнуть его.

Я не стала.

Вместо этого отвернулась к окну.

Дом Бельвилей медленно отступал назад. Освещённые окна горели в сумерках, как глаза огромного сытого зверя, который только что пообедал и теперь переваривает пищу. У парадного входа всё ещё толпились гости. Мать махала платком — не мне, публике. Отец принимал чьи-то рукопожатия, и его спина была прямее, чем когда-либо в моей жизни.

Мира и Элрс тоже вышли на ступени.

Я увидела только белое пятно её платья и его тёмную фигуру рядом. Она что-то говорила ему, наклонив голову, и он улыбался — той самой улыбкой, от которой у меня когда-то перехватывало дыхание. Теперь она казалась мне чужой. Как всё, что касалось этого проклятого дня.

Потом карета повернула.

И дом исчез.

Я думала, что почувствую облегчение.

Но внутри было пусто. Не больно. Не страшно. Пусто. Как в комнате, из которой вынесли всю мебель и забыли зажечь свет.

— Ты не замёрзла? — слышался голос герцога. Его рука застыла на пуговице камзола, и я только сейчас поняла, что он готов снять его, чтобы набросить на мои плечи.

Глава 38

— Нет, спасибо, — попыталась улыбнуться я.

Дорога тянулась долго.

Сначала мы ехали по знакомым улицам столицы. Фонари отражались в мокрой мостовой — город только что прошёл дождь, и камни блестели, как чёрное зеркало. Люди останавливались, провожая взглядом герцогскую карету. Кто-то кланялся. Кто-то снимал шляпу. Одна девочка лет пяти прижалась носом к витрине и смотрела на меня так, словно я была принцессой из сказки, которую ей рассказывали на ночь. Пока ее мать возилась с товаром.

Я отвела взгляд.

Потом дома стали реже. Город остался позади. За окном потянулись тёмные аллеи, кованые ограды, чужие сады. В каком-то особняке горели все окна, и оттуда доносилась музыка — далёкая, приглушённая, как будто кто-то играл на клавесине в комнате, где уже все легли спать.

В какой-то момент дорога стала ровнее. Колёса почти перестали подпрыгивать на камнях.

Я поняла, что мы въехали во владения герцога.

Сначала показались ворота.

Огромные. Чёрные. С позолотой на пиках. Два каменных дракона по бокам держали в пастьях фонари, и свет дрожал в их зубах, как живой.

Ворота раскрылись без звука.

Карета въехала внутрь.

За окном тянулся парк. Не сад. Не аллея. Парк. Широкие дорожки, подстриженные деревья, мраморные статуи, белеющие между тёмной листвой, как призраки. Фонтаны, в чьих чашах отражалось ночное небо. Где-то вдалеке серебрилась вода — пруд или озеро, я не могла разобрать.

Наверное, любая девушка на моём месте ахнула бы. Наверное, любая невеста решила бы, что попала в сказку.

Я смотрела на всё это с усталым равнодушием.

Фонтаны. Статуи. Парк. Озеро.

Огромный дом, показавшийся впереди.

Всё это было красиво. Невыносимо красиво.

И совершенно не имело значения.

Потому что скоро я останусь с герцогом наедине.

Карета остановилась у парадного входа. Дверца открылась. Холодный воздух коснулся лица — свежий, пахнущий сырой землёй и поздними цветами.

Перед лестницей стояли слуги.

Много слуг. Лакеи в тёмной форме. Горничные в белых передниках. Пожилая женщина в строгом чёрном платье — экономка. Все выстроились так ровно, будто ждали не молодую жену герцога, а королеву.

Герцог вышел первым.

Потом подал мне руку.

Я вложила пальцы в его ладонь и спустилась. На этот раз

никто не бросал лепестки. Никто не хлопал. Никто не улыбался слишком широко.

Слуги поклонились разом. Глубоко. Почти бесшумно.

Герцог не отпустил мою руку.

— Это моя законная супруга, герцогиня Арундел, — объявил он.

От этих слов по рядам слуг прошла едва заметная волна удивления. Но экономка сделала шаг вперёд и поклонилась ниже остальных.

— Добро пожаловать домой, ваша светлость.

Домой.

Я посмотрела на огромные двери. На мраморные ступени. На чужие окна, чужие стены, чужую жизнь, которая с этой минуты должна была стать моей.

— Её светлость устала, — сказал герцог. — Проводите герцогиню в её комнаты. Пришлите лекаря, если понадобится. И горничную.

— Разумеется, ваша светлость.

Я ожидала, что он скажет ещё что-то. Может быть, посмотрит на меня. Может быть, объяснит, что будет дальше.

Но он только отпустил мою руку.

Глава 39

И от этого почему-то стало холоднее. Не в комнате. Внут-
ри.

Экономка мягко склонила голову.

— Прошу вас, ваша светлость.

Меня повели наверх.

Лестница была широкой, белой, с тёмными перилами, от-
полированными до блеска. По стенам висели портреты.

Настоящие, наверное. Не купленные вместе с фамилией,
как у нас.

Люди на них смотрели спокойно и холодно, как будто зна-
ли себе цену и не нуждались в том, чтобы кто-то доказывал
их благородство. Одна дама в тёмно-зелёном платье держала
на руках маленькую собачку и смотрела прямо на меня —
так, словно видела меня насквозь.

Я отвела взгляд, чувствуя дух времени, витавший в этом
доме.

Я поднималась медленно. Платье тянуло вниз. Голова
кружилась. Перед глазами то и дело вспыхивали обрывки
дня — рука Элерса, отпускающая мою. Бокал вина. Лицо от-
ца. Ножницы в руке Миры. Золотая лента на запястье.

Мои комнаты оказались огромными.

Слишком огромными.

Спальня с высоким потолком, расписанным тонкими за-

витками. Камин, в котором уже тлели угли — кто-то позаботился заранее. Тяжёлые шторы цвета тёмного вина. Широкая кровать под балдахином. Столик с зеркалом. Дверь в купальню, откуда доносился лёгкий пар. Всё было сделано дорого и со вкусом.

Кровать.

Я посмотрела на неё и сразу отвела взгляд.

Мысль о брачной ночи пришла так резко, что в горле пересохло.

Вот оно. То, о чём все молчали. То, что теперь имело право случиться.

Он мой муж. Я его жена. И если герцог придёт... Я не знала, чего боюсь больше — что он придёт, или что не придёт.

— Ваша светлость? — тихо позвала горничная.

Я вздрогнула.

Молодая женщина стояла рядом, ожидая распоряжений. Тёмные волосы гладко убраны под чепец. Лицо спокойное, внимательное. Руки сложены перед собой — не робко, а так, как складывают руки те, кто привык работать и не задавать лишних вопросов.

— Меня зовут Нора, ваша светлость. Я помогу вам переодеться.

Я кивнула. Голос снова куда-то исчез.

Нора подошла ко мне осторожно — не так, как подходили ко мне служанки дома. Те всегда спешили, суетились, тянули за ткань, словно я была манекеном на витрине, который

нужно успеть переодеть до следующего распоряжения. Нора двигалась медленно. Уверенно. Как человек, который знает, что спешка здесь только навредит.

Она начала расстёгивать платье. Пуговица за пуговицей. Крючок за крючком. Тяжёлая ткань медленно ослабевала на теле.

Когда корсет наконец перестал давить, я смогла вдохнуть глубже.

Но легче не стало.

Платье сняли. Потом нижние юбки. Потом перчатки.

Нора работала быстро и аккуратно. Не задавала вопросов. Не ахала, когда увидела следы пальцев на моих плечах — синие, уже начавшие желтеть по краям. Только на мгновение задержала взгляд на одном таком следе, там, где ключица переходила в шею, и тут же отвела глаза.

Настоящий дом аристократа, подумала я. Здесь слуги умеют не видеть.

— Позвольте, я разберу вашу причёску, ваша светлость, — сказала она.

Я замерла.

Парик.

Я почти забыла о нём. Почти.

Нора встала за моей спиной и осторожно коснулась волос. Сначала она попыталась найти шпильки. Потом ещё одну. Потом её пальцы замедлились.

Я увидела в зеркале, как меняется её лицо.

Не резко. Не грубо. Но глаза чуть расширились. Губы разомкнулись, словно она хотела что-то сказать, и не сказала.

Она поняла.

Это не мои волосы.

Моя грудь сжалась, и я подняла руки сама.

— Не нужно, — тихо сказала я.

Пальцы плохо слушались, но я сняла парик.

Он остался у меня в руках — лёгкий, чужой, лживый. На ощупь почти как настоящий, но чуть более гладкий, чуть более холодный. Как кожа восковой куклы.

В зеркале появилась я.

Настоящая.

С неровными обрезанными прядями. С оголённой шеей. С жалкими клочками волос, торчащими в разные стороны, как после болезни.

Нора выдохнула.

Совсем тихо, но я слышала.

Служанка тут же опустила глаза.

— Прошу прощения, ваша светлость.

Я сжала парик в руках.

Почему-то именно этот тихий выдох оказался почти невыносимым. Не смех. Не оскорбление. Не злорадство. Ужас. Жалость. Я не знала, что хуже.

Нора взяла себя в руки почти сразу. Выпрямилась. Посмотрела на меня прямо — не на волосы, а в глаза.

— Я сейчас вернусь, ваша светлость.

Глава 40

Она вышла.

Я осталась перед зеркалом. Смотрела на своё отражение и не могла понять, кто на меня смотрит.

Герцогиня.

Смешно.

Какая же я герцогиня? Я дочь вчерашних лавочников, которые прогрызали себе путь в высшее общество. Я дочь того самого презираемого Ричарда Бельвиля, у которого занимали деньги, чтобы тут же, выйдя за дверь, бросить брезгливый комментарий на счет происхождения благодетеля.

Дверь открылась через несколько минут. Нора вернулась с маленьким флаконом из тёмного стекла и чистой салфеткой в руках.

— Мне сказали, что перед свадьбой произошёл несчастный случай, — произнесла она ровно. — Ваша горничная пережгла ваши волосы щипцами.

Я подняла на неё глаза.

Несчастный случай? Щипцы?

Значит, слугам сказали это. Не то, что сестра остригла меня из зависти. Не то, что родители пытались скрыть это от жениха. Не то, что я вошла в дом герцога уже сломанной, опозоренной, обрезанной, как наказанная служанка.

Несчастный случай. Горничная. Щипцы.

Я не знала, кто придумал эту ложь. Герцог. Экономка. Кто-то ещё. Но она вдруг показалась мне милосердной. Как тонкая простыня, которой накрывают то, что не хотят показывать.

— Поэтому я распорядилась купить вам средство для роста волос, — продолжила Нора. — Вот оно. Но одного флакона будет недостаточно. Я уже отправила за следующими. Если втирать утром и вечером, через неделю волосы будут хотя бы до плеч. Через две — ниже.

Я смотрела на флакон. Глупо, но в горле зашипало.

Не от горя. От неожиданности. Кто-то подумал об этом. Кто-то решил не смотреть и не жалеть, а сделать хоть что-то. — Можно? — спросила Нора.

Я кивнула.

Она открыла флакон. В комнате сразу запахло травами, мятой и чем-то острым, почти хвойным — как в лесу после дождя, когда земля ещё тёплая, а воздух уже холодный.

Нора капнула зелье на пальцы и начала осторожно втирать его в кожу головы.

Я стиснула зубы.

Зелье щипало. Сначала терпимо. Потом сильнее. Будто тысячи маленьких иголок одновременно касались кожи, и каждая из них хотела оставить свой след.

Я невольно втянула воздух.

— Простите, ваша светлость, — быстро сказала Нора, дую мне на макушку. — Оно всегда жжёт в первые минуты. Сей-

час станет легче. А вашу бывшую горничную следует считать за такое. Она, видимо, торопилась... Ну еще бы... В нашем доме ей бы дали такие рекомендации, что она бы никуда в жизни не устроилась!

Она наклонилась и снова подула мне на макушку.

Тихо. Осторожно. Как дуют ребёнку на обожжённый палец.

Я закрыла глаза.

И почему-то именно от этого жеста захотелось заплакать. Не от пощёчин. Не от предательства. Не от свадьбы с незнакомцем. А от того, что чужая горничная дула на мою обрешанную голову, чтобы мне было не так больно.

— Не переживайте, ваша светлость, — сказала Нора мягко. — У нас лучшие горничные. Такая история не повторится. До сих пор не могу поверить, что такие горничные встречаются! Ну ты же видишь, что волосы горят! Неужели ты не нашла ничего лучше, чем обрезать их... Вот тебе и свадебная прическа! Ужас какой! Ну если ты видишь, что щипцы раскалились, то нельзя допускать этого! Как только чуть покраснели, сразу убирай!

Я открыла глаза.

В зеркале она смотрела не на мои волосы. На моё лицо. Спокойно. С уважением. Будто я действительно была герцогиней, пострадавшей из-за глупости горничной.

Потом меня отвели в купальню.

Вода была тёплой, почти горячей. Служанки смывали с

меня этот день осторожно — вино, пудру, запах чужих духов, следы розовых лепестков, пыль дороги. Они не могли смыть синяки. Не могли вернуть волосы. Не могли вытащить из памяти смех зала.

Но тело постепенно переставало дрожать.

Вода пахла лавандой и чем-то горьковатым — наверное, солью. Я лежала в ней, закрыв глаза, и слушала, как где-то далеко тикают часы. Большие, напольные, с тяжёлым, размеренным боем. Они отсчитывали время моей новой жизни.

После купальни мне подали рубашку.

Тонкую. Белую. Почти невесомую. Ткань была такой мягкой, что казалось — её соткали из тумана. Слишком красивую для сна. Слишком прозрачную для покоя.

Я посмотрела на неё и снова вспомнила кровать.

Нора помогла мне одеться. Ткань легла на кожу прохладно. Волосы — то, что от них осталось — уже не жгло так сильно. На голове всё ещё покалывало, но боль стала далёкой, как воспоминание о чужой беде.

Служанки убрали платье. Унесли воду. Поправили одеяло. Разожгли камин ярче — угли вспыхнули, и по комнате пошли тёплые отблески, дрожащие на потолке, как живые.

Потом Нора поклонилась.

— Я буду в соседней комнате, ваша светлость. Если вам что-нибудь понадобится, позвоните в колокольчик.

Она показала на шнурок у кровати — тёмный, с кисточкой, почти незаметный на фоне обоев.

Я кивнула.

Дверь закрылась. Тихо. Без скрипа.

Я осталась одна.

Комната была слишком большой. Кровать — слишком широкой для одной меня. Рубашка — слишком тонкой для просто сна.

Я стояла посреди спальни, не решаясь ни лечь, ни сесть, ни подойти к окну. За окном темнел парк. Где-то там шумело озеро. Где-то там, в другой части этого огромного дома, был он — мой муж. Человек, которого я видела в первый раз сегодня утром. Человек, который выбрал меня у алтаря, хотя мог выбрать любую.

Где-то в глубине дома пробили часы.

Раз.

Другой.

Третий.

Я считала удары, пока они не растворились в тишине. Потом посмотрела на дверь.

Теперь я была женой.

А значит... скоро мог прийти муж.

Глава 41

Я ждала.

Не осознанно. Не так, как ждут поезда или гостя. Тело ждало. Кожа. Кончики пальцев, которые то и дело сжимались в кулаки сами собой. Спина — прямая, напряжённая, словно я сидела не на краю кровати, а на краю обрыва.

За окном давно стемнело. Я не видела ни звёзд, ни луны — только чёрное стекло, в котором отражалась комната: камин, тяжёлые шторы, моё собственное лицо, бледное и чужое.

В коридоре раздались шаги.

Тяжёлые. Ровные. Мужские.

Моё дыхание оборвалось на полувдохе. Пальцы впились в ткань рубашки на коленях. Я слушала, как шаги приближаются — медленно, без спешки, — и с каждой секундой становилось всё труднее дышать.

Шаги остановились.

Нет. Не у моей двери. Прошли дальше. Скрипнула половица где-то в конце коридора. Хлопнула дверь. Тихо, далеко.

Я выдохнула.

И тут же поняла, что всё это время не дышала.

Снова тишина.

Я сидела, сложив руки на коленях. Тонкая рубашка — та самая, почти невесомая, которую Нора подала мне после

купальни — холодила кожу. Ткань была такой мягкой, что казалось, её соткали из тумана, но сейчас она казалась мне слишком лёгкой. Слишком открытой. Мне всё время хотелось подтянуть её выше, натянуть на плечи, укутаться — словно ткань могла защитить меня от неизвестности.

Глупо.

Я была замужем. По закону. Перед богами. Перед короной.

Этот дом. Эта кровать. Этот мужчина за стеной — всё это было моим. Или я — его. Я уже не различала, где заканчивалось одно и начиналось другое.

Снова шаги.

На этот раз ближе.

Моё сердце дёрнулось, как рыба на крючке, пойманная и ещё не вытащенная. Я слушала, как они приближаются, как останавливаются прямо у двери, как ручка медленно поворачивается — с тихим металлическим щелчком, от которого у меня по спине пробежал холод.

Дверь открылась.

Он вошёл не сразу. Сначала в проёме появилась его фигура — тёмная, высокая, заслонившая собой свет из коридора. Потом он шагнул внутрь, и дверь за его спиной закрылась — мягко, почти беззвучно.

Я не встала. Не опустила глаза. Не сделала ничего из того, что, наверное, должна была сделать жена в первую брачную ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.